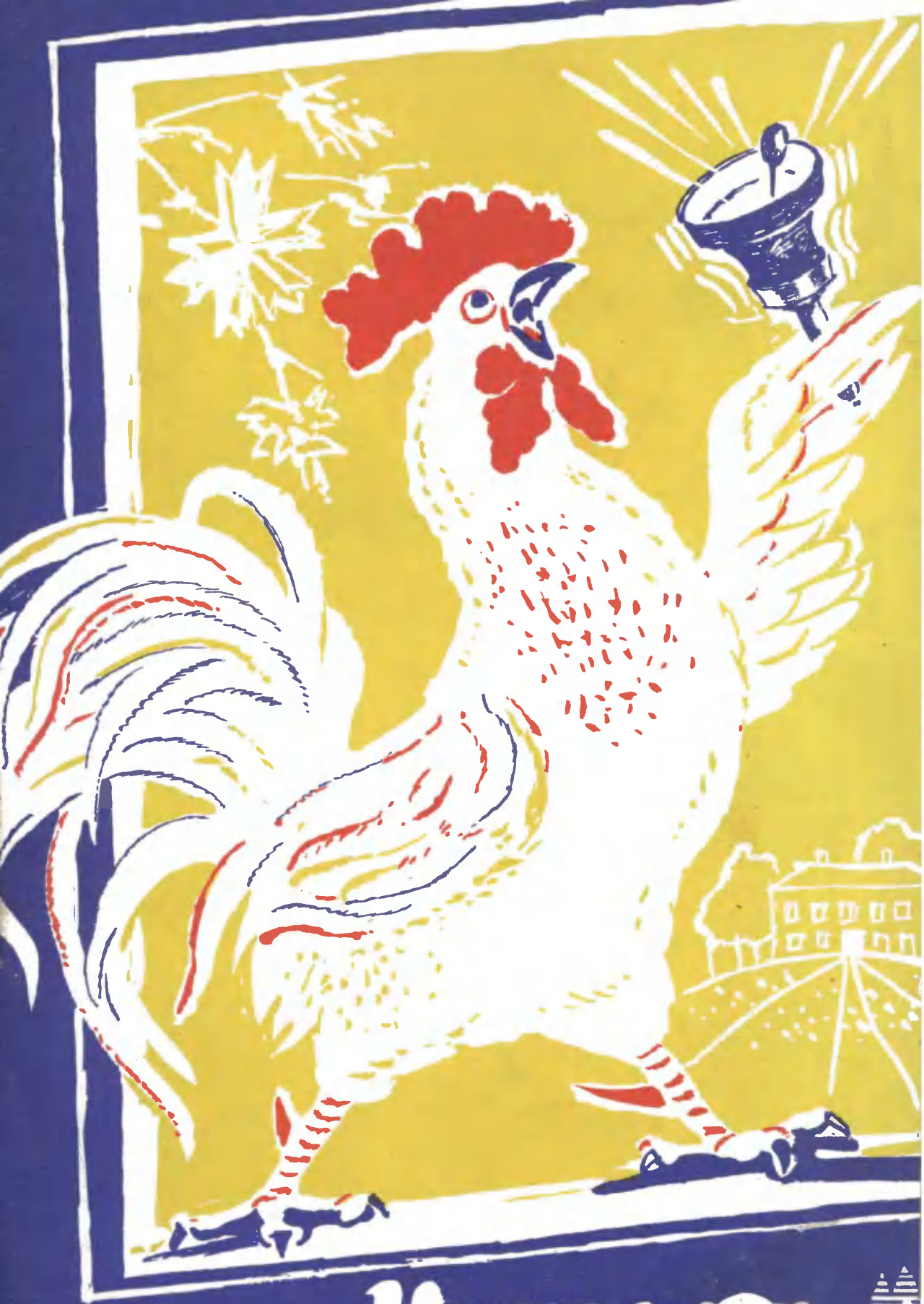
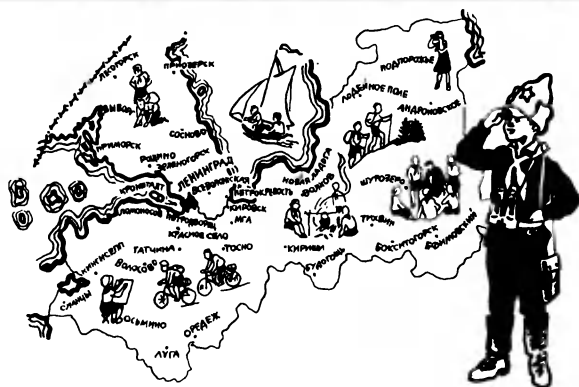
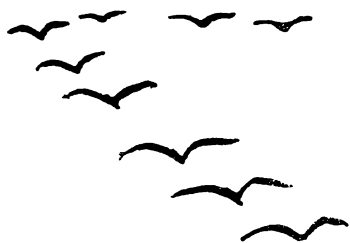

Искорна

газета
«Ленинские
искорки» -
отдел
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

ЕЖЕМЕСЯЧНИК

СЕНТЯБРЬ • 1971

год издания 11

Георгий ТРИФОНОВ

В это осеннее утро

По лесам
чуть румянятся
гроздья калин.
Спущен в лагере флаг
пионерский весёлый.
От походных костров
и рыбалок вдали
оживает
за лето притихшая
школа.
Нет ещё
непогоды седой
за окном,
только ветер шумливо
проносится в парке.
И осеннее утро,
как сказочный гном,
прибжав с нами в классы,
садится за парты.
Шелестит оно ворохом
книжных страниц.
Скрипнув пёрышком,
пишет на белой тетради.
И минуты летят
караванами птиц,
там, где доброе утро,
их даром не тратит.
В тишине
льётся музыка
строгих часов.
И мечты твоей даль
оживает порою.
Это вышли
к неведомым тропам
герои
и окликнули нас
в миллион голосов.

Рис. Г. Моисеевой

СЛУЧАЙ

Рис. Ю. Шабанова

ДАЛЕКО-ДАЛЕКО от больших городов и от городов маленьких тоже очень далеко стояли среди каменистых гор белые палатки. В палатках этих жили бородатые геологи. На шесть человек было у них три бороды. Не подумайте только, что каждый геолог носил полбороды. Смешно и невероятно это! Просто начальник отряда брился по утрам. Миша, девятиклассник, ещё не обростал. А Марье Васильевне, поварихе, бороды и не полагалось.

Работали геологи вокруг лагеря, искали железную руду. Правда, они пока не отыскали её. Ведь обнаружить железо в земле куда сложнее, чем найти чулок, завалившийся за диван. Тысячи камней надо осмотреть. Не один месяц на это дело потратить. Но геологи не унывали. Знали точно: всё равно своего добьются. Потому что были они сильные, трудолюбивые, настойчивые люди. А таким всякая задача по плечу.

Жили весело, азартно. Каждое утро выскакивали из палаток три бороды на зарядку. Рыжая борода — Зайцев. Чёрная бородка — Петров. И русая борода, лопатой, —

старший геолог Макаров. Делали они зарядку, бежали к ручью. А в ручье вода бодрая, ледяная. Обливались геологи, хохотали, да так, что все суслики кругом прятались в норы от недоумения.

В тот день, едва солнышко встало, выбежал Зайцев из палатки босиком. Выбежал он и вдруг как закричит:

— Ой-ой! Сюда! Скорей!..

Сам на землю сел, за ногу держится.

Кинулись к Зайцеву геологи.

— Что? Что случилось?

— Змея...

— Где?

— Туда уползла...

— А ты?

— Наступил. Укусила...

Все так и ахнули. Вот беда-то!

Но не растерялись, рук не опустили. Двое сразу за молотки и в погоню. Разыскали змею меж камней — гадюкой оказалась, — тут и пристукнули. Начальник тем временем аптечку походную достал.

— Крепись, — говорит Зайцеву.

Марье Васильевне говорит:

— Разведите марганцовку. Кипятите воды побольше.

В КАЗАХСТАНЕ

А Мише, он самый молодой, на ноги лёгкий, начальник вот что приказывает:

— Немедленно беги к казахам. Возьми у них лошадь. Скачи на ферму. Там ходят машины к руднику. За три часа ты должен добраться до больницы. Понял меня?

— Всё ясно, — Миша отвечает. — Бегу!

И он побежал.

Вообще-то Миша спортсмен, парень закалённый, выносливый. Потому и в экспедицию его взяли геологи. И всё же вскоре начал он уставать. Ведь в Казахстане с самого утра жара неимоверная. А горы или даже степь — это не дорожка стадиона, как понимаете. Пот заливал Мише глаза. Сердце колотило в грудь будто молотом. Не хватало дыхания. Но он бежал, бежал, бежал...

А В ЛАГЕРЕ пострадавшему оказывали первую помощь.

На ноге у Зайцева чуть повыше пятки остались от змеиных зубов четыре дырочки. Начальник взял острый нож, промыл его в спирте, сказал:

— Ну, держись, старик! Не дёргайся!..

Сказал и надрезал ранку.

Зайцеву было больно, очень больно, конечно. Но он выдержал, даже не вскрикнул. Вот какой мужественный человек! К тому же он понимал, что так надо. Надо выпустить сколько-то крови, чтобы вместе с ней и яд вытек. И ещё нужно крепко перетянуть ногу жгутом, чтобы яд не проник дальше.

Начальник и Марья Васильевна так и сделали. Потом промыли рану марганцовкой, компресс приложили. Потом помогли Зайцеву допрыгать до палатки. Старший геолог Макаров сел возле его постели дежурить. Он был очень огорчён и взволнован, но вида не подавал. Похлопал Зайцева легонько по плечу.

— Всё в порядке будет, — сказал, — не бойся, борода.

— Да я не боюсь, — сказал Зайцев.

Он даже улыбнулся, чтобы товарищи не так переживали. Но они-то видели: туго ему приходится. Побледнел, покрылся испариной Зайцев. И в глазах его стояла боль.

МИША бежал по долине уже полчаса. Он сам не понимал, как ещё бежит. Ноги его онемели, стали будто чужие или деревянные. В голове звенело. Хрипело в лёгких. Но Миша не думал отдыхать ни

секунды. Только бы хватило сил! Ведь пока одолел он половину пути, не больше.

— Скорей, скорей, скорей, — твердил себе Миша под каждый шаг.

Выскочил из травы тушканчик, потешный хвостатый зверёк. Увидел человека, пустился во всю прыть, не сворачивая. И быстро исчез впереди.

«Вот бы мне так, — позавидовал Миша. — Вот бы мне так», — повторил с обидой, взглянув на небо. Там в просторной синеве стремительно парил ястреб. Катилось знойное, безразличное солнце.

Ох, зачем, зачем загляделся он вверх! Под ноги нужно было смотреть.

Вдруг споткнулся Миша, полетел кувыркком. Тут же вскочил, но — ой! — не может бежать дальше. Вот тебе раз! Такое несчастье. Чуть не заплакал он с досады. И от стыда тоже. Ему люди доверились, а он! Что же теперь будет с Зайцевым, если Миша не сумеет идти? Что будет!..

ЧАБАН Султан Сутбаев сидел на верблюде и пел казахскую народную песню. Ах, какая это чудесная, удобная песня! Она и овечек пасти помогает, и думать не мешает. Её хоть с конца, хоть с середины пой — всё равно ловко выходит.

Пел Сутбаев о том, что хорошо ему ездить на верблюде. Спереди горб, сзади горб — мягко и высоко, всю отару видно. О солнце пел чабан: хорошо светит, сильно греет. О траве: хорошая трава, много еды барашкам. А ещё он пел про свою жену, про детей, про себя самого немного. И про жизнь: какая она удивительная и прекрасная...

Но залаяли вдруг собаки, спутали мысли чабана. Поглядел он в ту сторону, куда его помощники лай направляли. Присмотрелся: видит человек идёт. Идёт человек, на правую ногу хромает. И на ходу машет он руками, кричит громко — не понять что.

Повернул Сутбаев верблюда, поспешил Мише навстречу. Это он ко-

вылял к чабану из последних сил. Штаны на коленях порваны. Голова рубашкой замотана. Губы от боли закусены и кулаки сжаты. Хоть не быстро, а всё равно шёл Миша, потому что надо. Иначе нельзя.

Вот подъехал на своём верблюде чабан, и Миша ему кричит:

— Ассалам алейкум!

— Здравствуй, — говорит Сутбаев степенно. — Зачем так себя загонял? Ходи потихонька.

Но не слушает Миша. На месте стоять не может. Кричит, будто издали:

— Помогите, аксакал! Помогите, дедушка!

— Я не аксакал, — говорит Сутбаев, — я не старый. Но помогать, по крайней мере, хочу. Что тебе надо?

— Нашего товарища змея укусила.

— Ай, жаман! Ай, плохо! Так что?

— Врача надо, доктора.

— У меня доктор джок. Нет у меня доктор, откуда?

— Я знаю, — говорит Миша, — что у вас доктора нету. Дайте верблюда, я поеду. Или коня. У вас есть.

Тут чабан засомневался, думать стал. Верблюда отдать ему невозможно. Без верблюда — что без ног. А кони его ой далеко! Домой ехать надо. Но как ехать — отару бросить? Собаки только помогать могут, сами пасти не умеют. Что же делать Султану Сутбаеву? Как поступить?..

А ЗАЙЦЕВУ становилось всё хуже. Начала краснеть и пухнуть укушенная нога. Поднялась температура.

— Ты пей, пей больше, — приказывал начальник Зайцеву.

— Ну, ещё чашечку. Ну, полчашечки! — упрашивала Марья Васильевна.

Не удивляйтесь, что они так настаивали. При отравлении змеиным ядом это очень помогает — пить. Хоть кофе, хоть чай или даже простой кипяток. И Зайцев пил через силу десятую чашку. Раз надо...

За палатками сидели грустные

геологи, Петров и Макаров. Они сидели прямо на земле — бороды в колени, — рассуждали с горечью:

— Была бы у нас рация. Почему не взяли? Ведь можно было взять рацию с собой...

— И машина, как назло, в город за продуктами ушла. Была бы машина...

— Эх, что теперь толковать!

— Да... Где-то сейчас Миша?

ДУМАЛ чабан, думал — ничего не решил. Заговорил вслух, чтобы понятней стало:

— Сам ехать — барашек побежит. Ты ехать, — это он Мише, — опять барашек побежит. Вместе ехать — ну совсем побежит барашек во все стороны.

Миша не выдержал:

— Как не стыдно! Неужели вам баран дороже человека? Человек умереть может, а вы!..

Крикнул он так и шагнул прочь от задумчивого чабана. Тут уж Сут-

баев испугался. Всплеснул руками, двинул верблюда за Мишей вслед.

— Эй, — кричит, — стой ходить! Ты сказал: умереть? Зачем, по крайней мере, сразу не сказал? Ты геолог?

— Ну, геолог, — Миша отвечает.

— Я геолог хорошо знаю, — говорит тогда чабан. — Я геолог всегда помогать хочу.

Загородил он дорогу своим верблюдом, говорит:

— Садись быстро, ехать надо.

Глянул Миша вверх — как ему садиться? Вы же представляете, какая это громадина, верблюд. Целый дом! Тут лестница нужна. А где её взять в степи? Миша даже растерялся.

Но вот стукнул чабан верблюда в горб, гыкнул по-своему. Миша не понял, что хочет Сутбаев, а верблюд всё понял правильно. Опустился на колени: сперва передними ногами, потом задними. Ну, а на лежащего уже не трудно залезть. Перебрался

хозяин на шею верблюда. Мише уступил место между горбов, на кошме, подстилке такой. Уселись хорошенько.

И тогда чабан как закричит! Верблюд тоже как закричит, как затрубит — словно пароход. Взялся вдруг Миша высоко-высоко, так ему показалось. И поплыл он будто по морю. Это верблюд встал и зашагал крупным валким шагом.

Ох и здорово было ехать на степном великане! Тем более — первый раз в жизни. А всё же не мог Миша по-настоящему радоваться. Одно держал он в уме: скорей, скорей!..

Сутбаев тоже торопился из всех сил. Дубасил верблюда пятками в бока, верёвку дёргал. А та верёвка за штырь привязана. Штырь в ноздри животного продет. Поневоле быстро побежишь. Разогнался двухгорбый, очень скоро до юрты домчал. Прямо диво, как скоро!

Юрта — летний казахский дом. Она из палок и войлока сделана. Ставить её легко, свернуть — раз, и готово. Такой дом для казахов самый удобный. Ведь они всё время кочуют со своими отарами от одного пастбища к другому. Будто круглая островерхая шапка, стоит юрта посреди степи. Колодец рядом, загон для скота. Всё, что надо.

Вот подъехали к юрте Сутбаева. Навстречу высыпали дети — целый десяток, наверно. Уставились они на Мишу, дивятся. Что за человек такой? Почему до пояса голый? Но не спрашивают ничего, робеют. А может, по-русски плохо говорят.

— Эй, марджа! — кричит громко Сутбаев.

Вышла из юрты и марджа, жена то есть. Сказал ей чабан что-то на своём языке, и она обратно под полог нырнула. Вытащила седло. Старшие ребята мигом оседлали коня, подвели Мише.

Сутбаев погладил буланого по гриве.

— Джаксы конь! — говорит. — Хорош конь, — говорит. — Глаз закрой, глаз открой — перма будешь, по крайней мере.

Он хотел сказать: на ферме будешь. Это у него получилось так —

перма. Ведь у казахов буквы «ф» совсем в речи нет. Они произносят «конпета» вместо конфета и «прукты» вместо фруктов. Но Миша-то всё равно понял чабана как надо.

Вскочил он в седло.

— Спасибо! — кричит. — За коня не беспокойтесь, приведу.

— Э, постой, — говорит Сутбаев. — Надо кумыс на дорога пить. Один пиалка — предварительно. Ещё один пиалка — окончательно. Хорошо ехать.

Но отказался Миша от кумыса. Это ведь, если не знаете, кислое кобылье молоко. Не всякому по вкусу. Попросил он воды холодной взамен. Напился, повязку на голове смочил. Свою соломенную шляпу Миша забыл надеть второпях. Вот и пришлось наматывать рубашку, чтоб солнечный удар не хватил.

ШМЫГАЮТ в невысокой траве толстенные суслики. От норки к норке, от одного камня к другому. Словно ищут и не могут найти — а что? Встанут столбиком, долго глядят на мир с высоты своего роста. Удивляются. До чего ж большой этот мир и светлый! Пискнут счастливо и опять катятся серыми шариками туда-сюда, туда-сюда...

Ящери-лежебоки греют под солнцем зелёные спины. Безмятежно щебечут разноголосые птицы. Пробежит лиса по своим делам. Стадо сайгаков протопчет: просто так, от резвости ног. И архар, круторогий козёл, взгромоздившись на самый верх далёкой горы, неторопливо осматривает мирную долину.

Тихо в степи. Тихо, спокойно. Кажется, нет на свете ничего, что могло бы нарушить эту благодать...

Но скачет, скачет Миша. Только ветер свистит в ушах да из глаз слезу высекает. А ведь больно ему сидеть в седле. Больно, неудобно — с непривычки. И внутри у него всё так и прыгает, крихтит, переворачивается. Ноет ушибленное колено. Но Миша не думает о себе. Гонит буланого во весь опор. Потому что время не терпит, не ждёт — уходит. А Зайцев, а товарищи в лагере ждут.

ФЕРМА просто так называлась фермой. На самом деле это была опытная станция, где выводили новую породу овец. Шесть домиков, магазин для окрестных чабанов да складские помещения — вот что тут было. Днём взрослых никого. Одни лишь ребяташки встретили Мишу, когда он подскакал.

Окружили они его.

— Здрасьте, — кричат. — Вы кто? Кино привезли, да?

я. Геолог, наш товарищ. Там, в юрах.

— А почему?

— Змея укусила, гадюка.

Заайкала тут женщина, советы стала давать. Мол, так надо было сделать и вот так, чтобы вылечиться казахским способом. Но Миша не мог её слушать. Не до того. Перебил он болтливую:

— Простите, — говорит, — а рация у вас здесь есть?

— Нет, — отвечает Миша, — я кино не вижу. Я геолог.

Беленькая девочка, русская, — в Казахстане ведь не только казахи живут — захихикала на Мишин ответ:

— Гео-о-олог!.. Что-то мы таких не видели. Они с бородами все, вот.

В другой раз Миша объяснил бы ей всё. Как в экспедицию попал, что там делает. Но теперь не до разговоров было. Соскочил он с коня да как прикрикнет:

— Хватит вам! Человек умирает. Позовите взрослых. Живо!

Сорвались ребята, помчались в дом и привели за собой женщину-казашку. Подошла она к Мише торопливо, спрашивает его:

— Ты помираешь?

— Что вы, — говорит Миша, — не

— У нас, — отвечает казашка, — радиоприёмник. На батареях, знаешь? Хорошо волну ловит, поёт громко.

— Да ведь рация, радиостанция нужна! — в отчаянии кричит Миша. — Что вы мне рассказываете?! Время идёт. Каждая минута дорога!

Смутилась женщина, замолчала совсем. С грехом пополам выяснил Миша у ребят, что ни рации, ни машин сейчас на ферме нет. Есть тракторы «Беларусь», только ходят они не быстро. Посоветовали ему взять свежего коня и ехать на рудник верхом, раз нету другого выхода.

Так Миша и сделал.

Оставил он буланого, велел ребятам отвести к чабану. Сам прыгнул на белую лошадь и поскакал опять.

ШЛА по дороге грузовая машина. В кузове сено горой, в кабине шофёр Грязнов и толстая бабка. Ехали они на рудник по своим делам. Шофёр хотел продать кому-нибудь сено. Бабка думала на базаре побывать, купить чего придётся.

Вот ехали они, ехали, увидели впереди себя всадника. Странный такой всадник. Без рубашки скачет, голова тряпкой обмотана. Лошадь у него хоть и быстрая, только машина, конечно, быстрее. Вскоре догнал Грязнов человека на лошади. Сигналить ему стал: уступи дорогу.

А Миша как услышал позади себя гудки, обрадовался. Вот удача, подумал. Осадил он лошадь, руку поднял.

— Стой! Эй, товарищ, стой!

Машина чуть было не проехала дальше. Это Грязнов останавливаться не хотел. Но пустил Миша свою лошадку под самые колёса. Пришлось шофёру затормозить. Не давить же...

Высунулся он из кабины, спрашивает недовольно:

— Чего тебе надо?

— Подвезите на рудник, пожалуйста, — Миша говорит.

— Ты же на коне.

— А мне быстрее нужно. Устала лошадь, сами видите.

— Ерунда, — говорит Грязнов, — доплетёшься. Не на пожар.

Взялся он за руль, газовать начал. Тут уж Миша в крик:

— Товарищ! Да вы что? Мне к доктору нужно. Человек погибнуть может. Каждая минута!..

— Некуда тебя сажать, — обрывает шофёр.

И толстая бабка тоже голос подаёт:

— Я ведь для тебя не вылезу. Сама на базар опаздываю.

— А в сено, а наверх? — кричит Миша.

— Не положено, — отвечает Грязнов. — Штраф платить не собираюсь.

— Да вы что, не советские, что ли?

— Ты-то кто! Может, ты меня обманываешь. Оскорб-

ляешь ещё. А ну, убирайся с дороги!

Прокричал так шофёр, и машина взревела мотором. Лошадь испугалась, отпрянула. Не успел Миша и глазом моргнуть, проскочил грузовик мимо. И понёсся, запыллил по степи, оставив Мишу в горьком недоумении. Как же так? Что это за люди такие? Откуда берутся? Ну и ну!..

ПОВАРИХА Марья Васильевна плакала на кухне с отчаяния. Начальник отряда метался по лагерю как шальной. Он хватался за голову, пинал камни, мрачно бормотал:

— Ну, где же Миша! Что же Миша? Два часа истекло. Боже мой!..

В палатке Зайцева находились Петров и Макаров. Нелегко было им видеть, как страдает товарищ. Но они не спускали насторожённых глаз с его лица. Обтирали пот. Заставляли пить чай. Говорили Зайцеву надёжные слова:

— Потерпи, друг. Немного осталось. Через полчаса врач будет здесь. Всё обойдётся, друг, только потерпи.

Они говорили это, а сами едва сдерживали дрожь в голосе. Так им было больно, мучительно за товарища. Так нестерпимо становилось ожидание.

Надо ждать, ждать, ждать. Но сколько же можно! И чего ждать?..

В голову каждого закрадывалась ужасная мысль: вдруг опоздают Миша и доктор? Гнали её от себя геологи. Нет, успеет, успеет! Но она привязывалась снова: а вдруг...

ТО ЖЕ САМОЕ думал в эту минуту и Миша. А вдруг будет

поздно? Неужели не успеть? Он находился всего на полпути к руднику. Усталая лошадь уж не могла скакать так быстро, как сначала. Километры давались всё трудней. Безудержно летело время. Степь казалась бескрайней.

Только вот, как дымок парохода, возникла впереди пыль. Она приближалась, росла, и скоро Миша различил машину. Это был бензовоз — большущая автоцистерна, бидон на колёсах, в котором перевозят горючее.

«Эх, плохо, — подумал Миша, — что навстречу идёт. Если б попутно, то проще. А так — захочет ли шофёр повернуть машину обратно к руднику?»

Тем не менее решился он остановить машину. Да и кто на его месте не решился бы? Таких, как Грязнов, на свете не густо. И не стоит терять веру в людей из-за таких, как Грязнов.

Остановил Миша машину, и всё получилось прекрасно. Из кабины выпрыгнул шофёр, сам подошёл к Мише.

— Здорово, — говорит, — что у тебя, браток?

Миша объяснил. И тогда шофёр без лишних слов бросился к бензовозу. Только крикнул на бегу:

— Быстро, быстро! Залезай!

И вот мчится машина назад, к руднику то есть. Мчится она, как ураган. Рёв мотора, пыль до неба столбом, предельная скорость. Шофёра торопить не нужно. Он понимает всё.

— За полчаса там будем, — говорит.

Миша говорит:

— Боюсь я. Много времени пройдёт.

— Ну что ты, — успокаивает шофёр. — Летом гадюки не очень ядовитые. Весной — да. А сейчас не опасно. Меня в позапрошлом году тоже цапнула змея...

Рассказал он про свой случай: как болел и как вылезлся. Потом ещё что-то начал рассказывать, чтобы Мишу от опасений отвлечь. Но не удалось это шофёру. У Миши на уме лишь одни заботы.

— За лошадь отвечать придётся, если пропадёт.

— Да куда она денется, — говорит шофёр. — Знает дорогу домой. А нет — чабаны поймают, на ферму отведут.

— А волки?

— Какие тут волки? Убежит. Ты вот лучше рубашку надень. Незачем в посёлок с голым пузом въезжать.

Послушался Миша: стащил рубашку с головы, надел как положено. Оно ведь и правда, на рудник в диком виде нельзя. Рудничный посёлок — не ферма. Там дома четырёхэтажные, клубы, народу на улицах полно. Культура!

Привёл себя Миша в порядок, едут дальше.

— Мне вот, — шофёр говорит, — действительно отвечать придётся. Я в город за бензином послан. К вечеру добрался бы. А теперь — нет, не доберусь. Пропал день...

Миша хотел сказать, что ничего, всё обойдётся. Растолкует шофёр начальству, как получилось, — простят. Он хотел сказать это, но вдруг как закрывает:

— Они! Они!..

— Чего ты? — Шофёр удивляется. — Кто?

— Да те, — говорит Миша, — которые не подвезли. Вон впереди машина с сеном стоит. Не видишь?

Передал он своему шофёру всю историю. Тот ещё больше удивился. И рассердился даже не на шутку:

— Вот подлые! Ну, погодите...

Бензовоз поравнялся с Грязновым. Он на дороге стоял, делал знаки, чтобы ему помогли. Мишин шофёр притормозил, в окошко выглянул.

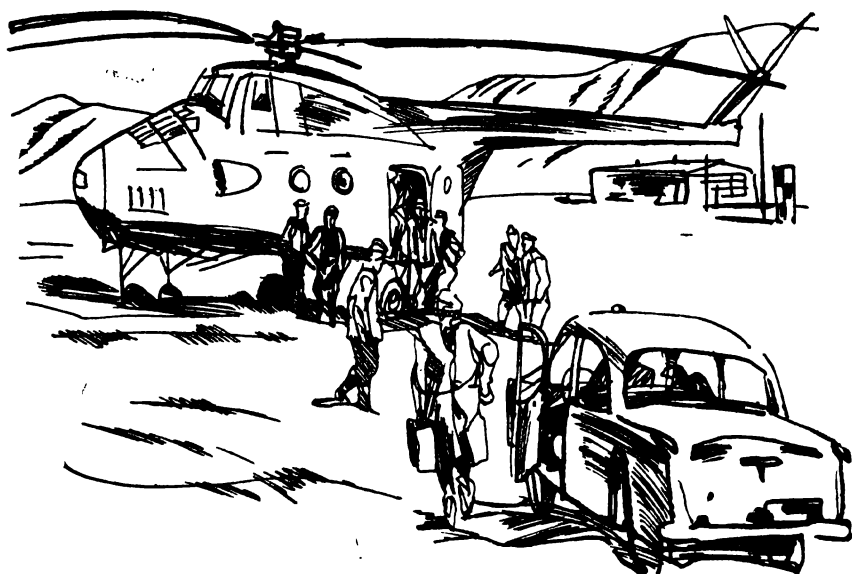
— Что, — спрашивает, — бензин кончился, да?

— Ага, — говорит Грязнов. — Отлей ведёрочко.

— А больше тебе ничего не надо, бесстыжий?

Подошёл Грязнов ближе, Мишу заметил и растерялся.

— Ладно, — бормочет, — не нужно мне. Извините. Я... Я... — И не знает, что ещё сказать.

— Эх ты, — говорит Мишин шофёр. — Сиди теперь, кукуй, раз ты такой.

Бензовоз помчался дальше. Мише пеловко стало. Он говорит:

— Может, отлить ему горячего? Нехорошо мстить.

— Нет уж, — отвечает шофёр. — Подождёт другой машины, не умрёт. Учить их нужно, плохих людей. Пусть запомнят, поймут кое-что...

В УЛИЦУ рудничного посёлка ворвался бензовоз на страшной скорости. Шарахнулись в панике куры, залаяли собаки. И милиционер тут как тут, конечно. Засвистел, засвистел, приказал остановиться. Потом подошёл, говорит шофёру:

— Не по степи, товарищ, гоните. Превышаете. Дайте ваши права.

— Товарищ милиционер! Дело-то какое!..

Миша с шофёром наперебой рассказали своё дело. Постовой сразу о недозволенной скорости замолчал. Вскочил на ступеньку бензовоза.

— Поезжайте в милицию, — уже сам торопит. — Скорей!

— Нам в больницу надо, — Миша возражает.

— Не спорьте. Слушайте меня. Я сделаю всё, как лучше. Ну, поехали!

Мигом примчали они в отделение. Постовой дежурному доложил. Дежурный к телефону:

— Дайте поликлинику! — в трубку кричит. — Алло! Поликлиника? Нужен врач. Немедленно! Отравление змеиным ядом. Да, да. Знаю, что воскресенье. Найдите врача. Из дома вызовите. Спасибо.

Потом нажал рычажок, опять кричит, волнуется:

— Соедините меня с Морозовым. Алло! Павел Сергеевич? Вертолёт у вас есть? Свободный? Позарез нужен. Геологам врача доставить. Умирает там товарищ. Да, да. Лётчика нету? Отыщем. Спасибо. Сейчас подъедем.

И вот ринулись по улицам посёлка машины. Бензовоз с Мишей на вертолётную площадку. Милицеская — к поликлинике. Ещё одна, легковая, — её дежурный остановил и направил — за лётчиком понеслась. Много людей спешило помочь, выручить из беды геологов. А ведь если за дело берутся сообща и дружно, всё получается хорошо, как вы знаете.

ДОКТОР Мохов собирался в кино. Он обещал своей внучке Машеньке пойти с нею, когда будет выходной день. Билеты были уже

куплены, Машенька одета. Но вдруг...

— Товарищ Мохов, скорей! Товарищ Мохов, надо лететь, спасать.

Это прибежала из поликлиники санитарка.

Не удивился, не рассердился доктор. С ним такое случалось не раз. Правда чуть-чуть обидно ему стало: не выполнит обещанное внучке. Только какое уж тут кино, если он где-то нужен.

Погладил доктор Машеньку по волосам.

— Извини, — говорит, — я должен идти.

— Ну-у, — затянула девочка. Она была маленькая и не понимала событий. — А кино?..

Но доктор уже не слушал. Он вышел из дома и торопливо зашагал к больнице. За медицинским ящиком пошёл.

ЛЕТЧИКА вертолёт выхватили прямо из очереди в магазине. Забежал туда милиционер.

— Степанов здесь? — спрашивает громко.

— Здесь, — отвечает лётчик. — А что?

— Выходите.

— Да почему? Я ничего не делал.

— Не медлите, товарищ Степанов! По пути всё вам объясню.

Подхватил милиционер лётчика под руку. Так и вытащил из магазина — с продуктовой сумкой. Через секунду заурчал автомобиль, увёз Степанова — будто похитил.

На взлётной площадке нетерпеливо топтались Миша, шофёр бензовоза, милиционеры, ещё какие-то люди. Лётчик тоже был здесь. Вертолёт готов. Не хватало только доктора.

— Ну где он? Что так долго? — спрашивали все друг у друга.

— Двадцать минут прошло, — говорили.

В это время появилась милицмейская машина. Все вздохнули с облегчением. Наконец-то! Теперь можно лететь. Доктор выпрыгнул из кабины, с ходу полез в кабину дру-

гую, вертолётную. Миша следом за ним.

— Ни пуха ни пера! — закричали оставшиеся.

— Счастливого пути! Удачи вам! — закричали.

Их слов было уже не разобрать. Вертолёт застрекотал винтом, взмыл в небо. Миша посмотрел в окошко, увидел, как уменьшается и ползёт в сторону рудничный посёлок. А ещё он разглядел три крошечные машины и капельных людей возле них. Люди махали руками.

— Спасибо! — крикнул Миша, хотя знал, что его-то тем более не услышат.

Просто он в спешке забыл поблагодарить за помощь. А теперь вспомнил. Вот и кричал:

— Спасибо! Спасибо, товарищи!..

ЗАЙЦЕВ терял сознание. Геологи теряли терпение и надежду. Они сидели все у постели умирающего. Уже ни о чём не говорили. Не смотрели друг другу в глаза. Только губы кусали — в бессилии.

Ещё немного, и будет поздно...

Но неужели будет поздно?..

Разве может такое случиться?

Не может, не может, не должно быть!..

Вдруг поднял голову Макаров, прислушался. Потом из палатки метнулся наружу. Постоял, вглядываясь. Хотел крикнуть: летит! — да не смог. Горло перехватило, слезами набухли глаза. Едва вымолвил он:

— Успели...

Начальник отряда и Петров тоже выбрались из палатки. Они не спустили глаз с приближавшегося вертолёт. И они тоже шептали непослушными от волнения губами:

— Успели. Успели, родные!..

ЧТО БЫЛО дальше? Ну, потом уж всё просто. Доктор сделал Зайцеву укол — впрыснул специальное лекарство, сыворотку. Скоро больной очнулся, и тогда отнесли его в вертолёт. Вертолёт доставил в больницу.

Через неделю вернулся Зайцев

к геологам здоровый, как прежде, и весёлый. То-то радости было! Зайцева обнимали, качали на руках. Потом и Мишу подкидывали выше палаток. Потом геологи пели песни о дружбе и пировали до темноты. Целый бачок томатного сока выпили.

А наутро выскочили на зарядку, как и раньше, три бороды. Рыжая борода — Зайцев. Чёрная бородка — Пестров. И русая борода, лопатой, — старший геолог Макаров. Сделали они зарядку, побежали к ручью. В ручье вода бодрая, ледя-

ная. Обливались геологи, хохотали, да так, что все суслики кругом прятались в норы от недоумения...

А железо? Ну, конечно, они нашли железо в горах. Скоро там, где стояли белые палатки, построят рудник. Рудник будет давать нашей стране железную руду. То есть её станут добывать из земли рабочие. Они поселятся в новых домах. Тут же возникнут клубы и школы. Вырастет на том месте посёлок или даже город.

И всё это потому, что здесь когда-то прошли геологи.

Мих. САДОВСКИЙ

КАКОГО ЦВЕТА СОЛНЦЕ

*Какого цвета солнце?
Оно любого цвета!*

*Зелёное на листьях,
И чёрное на пашне,
И жёлтое на небе,
И красное на флаге,
И синее в воде.*

*Оно такого цвета,
Какого лучше нет —
Такого цвета солнце,
Какой у жизни цвет!*

Рис. В. Адаева

Последний час

Служил при штабе чапаевской дивизии связист Тимоша Зуйков, расторопный и лихой парень. За храбрость в бою Василий Иванович Чапаев подарил ему свои часы. И с той поры Тимоша всегда был при часах. То и дело подносил их к уху и слушал, как они звонко и ладно тикают.

Застал его как-то Василий Иванович за этим занятием и сказал весело:

— Смотри, Тимошка, заводить не забывай! Часам, как и бойцу в строю, отставать не положено.

Принимая от начальника дивизии военные сводки для передачи командованию армии, связист Тимоша первым узнавал о новых победах своих товарищей, и это несказанно радовало его.

Но в последнее время он всё чаще и чаще стал замечать в чапаевских донесениях тревогу и беспокойство. Начдив докладывал, что патронов в дивизии осталось совсем мало и отбиваться от врага нечем. Он просил также прислать хлеба для красноармейцев и сена для лошадей. Запасы продовольствия кончились, и бойцы голодали. К тому же их страшно мучила жажда. Казаки, отступая, бросали отраву и дохлых лошадей в колодцы. Пить такую воду было нельзя, а в уральских степях стояла невыносимая жара — земля трескалась под солнцем, и сгорали листья на деревьях.

А ещё Чапаева, судя по донесениям, сильно беспокоило то, что соседние воинские части отстали от его дивизии,

разбросаны на дальние расстояния друг от друга. И он предлагал командованию немедленно подтянуть отставшие полки, выправить фронт, иначе противнику труда не составит разгромить разрозненные части, и в опасную минуту никто не сможет поддержать их...

Узнали белоказаки о трудном положении дивизии и задумали этим воспользоваться. Они разработали коварный план ночного налёта на город Лбищенск: там в то время находился Чапаев с небольшим отрядом красноармейцев...

Среди ночи Тимошу разбудил оглушительный грохот во дворе. Не понимая, в чём дело, он выскочил на крыльцо. И тут неподалёку от него, за плетнём, разорвался снаряд.

Тимоша бросился в избу, крикнул спящим товарищам:

— Вставай! Тревога!

Они схватили винтовки и побежали за ним.

Ночь была тёмная. Ни звёзд, ни луны. Только видно, как там и тут по всему городу синеватыми огоньками вспыхивают выстрелы да кое-где ярко пламенеют взрывы. Неприятель прятался за домами и брал на прицел всякого, кто появлялся на улице.

Чаще всего выстрелы доносились с Соборной площади — там штаб дивизии.

— Бежим к штабу! Надо спасти Чапаева! — Тимоша взвёл курок нагана и повёл товарищей по тёмным закоулкам.

Пробраться к штабу мешали пулемёты. Они беспрестанно обстреливали площадь. Лишь

одному из Тимошиной группы удалось добежать до штаба. Потом он приполз обратно и сказал, что Чапаев с горсточкой командиров и бойцов ведёт жестокий бой с казаками. У них кончились патроны, и начдив просил прислать сколько можно.

Тимоша отдал разведчику четыре патронные ленты, прихваченные с собой, и сказал:

— Ползи к штабу. Одному безопаснее. В случае чего — мы тебя огнём поддержим.

Разведчик нырнул в переулок. И вдруг — что такое? — слева от площади зашевелились чёрные фигурки. Тимоша пригляделся: казаки ползут. Хотят незаметно обойти отряд Чапаева и ударить с тыла.

Тимоша повёл бойцов наперерез врагу — через огороды, задворками. Опередили они казаков. Набросились на них из-за угла, пустили в ход штыки и приклады.

Белоказаки не ожидали такой встречи, растерялись. Пользуясь суматохой, Тимоша с товарищами пробился к штабу.

Первое, что они услышали, это — голос Чапаева:

— Патроны есть в запасе?

Патронов не было.

— Такая досада! — поморщился Чапаев. — Придётся отходить к реке.

Он стоял рядом со своим ординарцем Петром Исаевым — без гимнастёрки, в галифе и сапогах. Из-под козырька казацкой фуражки выбивались растрёпанные русые волосы. Разгорячённое лицо его было

опалено порохом, на лбу — след крови. Должно быть, запачкался, когда смахивал пот с лица рукавом раненой руки.

— Не отчаивайтесь, товарищи, — сказал он. — Мы защищались до последнего. Но врагов вокруг тысячи. Одно спасение — Урал переплыть. А там, глядишь, и подмога от наших придёт. За мной! На прорыв!

Он перезарядил револьвер и первым бросился на казачью толпу.

Уже совсем рассвело, когда чапаевцы пробивлись к берегу.

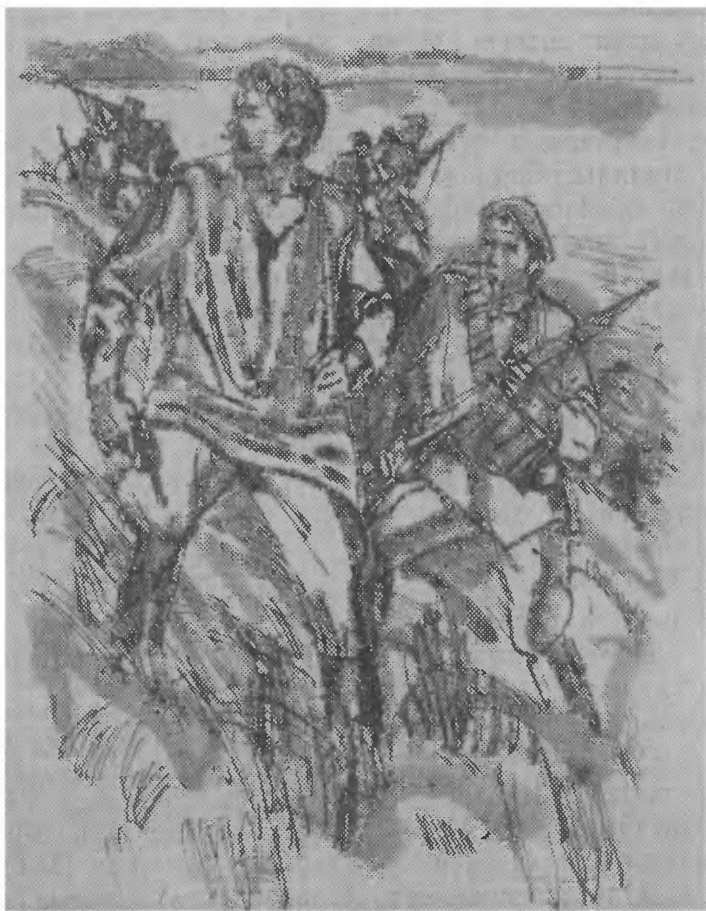
Бойцы помогли раненому начдиву спуститься по песчаному откосу вниз, а Пётр Исаев стал палить в казаков из пистолета, защищая Чапаева, не подпуская врага к воде.

В револьвере Василия Ивановича кончились патроны. Тимоша протянул ему свой наган.

Кзаки подступали всё ближе и ближе. Один из них закричал:

— Сдавайся, Чапай! Не то...

Чапаев нажал курок. Казак рухнул в песок, а Чапаев обернулся к Тимоше:

— Что ж ты мешкаешь?

Он резко толкнул Тимошу в воду и сам бросился следом.

Позади, на насыпи, тараторили пулемёты, гроыхали пушки, щёлкали ружейные выстрелы. Тимоша оглянулся.

Пётр Исаев всё еще там, на берегу. Но уже не стреляет. Должно быть, все патроны израсходовал. Нет, остался ещё один... Пётр выпрямляется в полный рост, рвёт рубаху на груди, прислоняет пистолетное дуло к виску. И тотчас же валится под откос. Туда, следом за ним, бросаются казаки с винтовками и саблями.

Тимоша с беспокойством глянул на Чапаева.

Начдив плыл совсем рядом. Плыл тяжело и медленно, взмахивая лишь одной рукой. А вокруг свистели пули, шлепались снаряды. Вода всплёскивалась, пенилась, рассыпалась брызгами.

— Только бы не попали в него, — как заклинание, шептал Тимоша. — Только бы не в него! Пусть уж лучше в меня...

И вдруг Тимошу закружило на одном месте. Угодив в речной водоворот, он не мог плыть дальше. Руки и ноги свело судорогой. Какая-то неодолимая сила потянула его ко дну. Он стал захлёбываться...

— Крепись, Тимошка! — услышал он чапаевский голос. — Наш час ещё не пробил.

И Василий Иванович под-

толкнул Тимошу рукой, помог выбраться из водной круговерти.

Дальше течение само понесло Тимошу вниз, в сторону от опасного места.

А как же Чапаев? Хватит ли у него сил? Не задела ли шальная пуля? Нет, кажется, всё в порядке. Он уже на середине реки. Упрямо борется с волнами. До берега теперь уже недалеко...

И тут часто-часто зарябило на воде. Свинцовый град ударил возле самой головы Чапая. Он беспомощно взмахнул рукой и скрылся в волнах.

Тимоша напряг последние силы, рванулся на выручку командиру.

Но было уже поздно...

Тимоша не помнит, как течением реки его выбросило на отлогий берег, как очнулся он на мокром песке, измученный и израненный.

Когда вернулось сознание, Тимоша глянул на часы — те самые, что подарил ему Чапаев.

Часы не ходили. Вода остановила их, когда они с начдивом бросились в студёные волны Урала...

В семье чапаевского связиста Тимофея Семёновича Зуйкова и поныне хранятся эти часы. С того далёкого утра они больше не заводились.

Стрелки их неизменно показывают одно и то же время — последний час и последние минуты жизни Чапаева,

Сердце Чапая

В то, что Чапаев погиб, никто не верил. Говорили, будто вовсе и не утонул он в реке Урал, доплыл до другого берега — не мог не доплыть, ибо был человеком сильным и ловким, плавал получше всякого. И вражья пуля, как утверждали многие, сразить его не могла, — из любого смертельного боя он победителем возвращался, ни одного поражения не знал. Острый клинок Чапая молнией сверкал, повсюду достигал белогвардейцев, а они его — нет! Неукротимый конь нёс Чапая в гущу свинцового ливня, и начдив выходил из боя как ни в чём не бывало! Ни штык, ни пуля его не брали. Словно и впрямь было его

сердце, как у богатыря в сказке, заколдовано от смерти в бою.

И по сей день на волжских берегах можно услышать от стариков чапаевцев сказ о том, как, переплыв Урал, выбрался храбрый Чапай на берег. А там конь боевой его поджидал. Тряхнул конь гривой, заржал радостно, к своему хозяину подбежал. На спине у коня седло серебром сияло, а к седлу было привязано всё, что надобно командиру в бою: сабля острая, ружьё меткое и бурка с папахой. Накинул Чапай на плечи бурку, чёрную папаху на голове поправил и в седло сел. Взмахнул Чапай саблей и стрелой понёсся на вражеские

полчища — только пыль из-под копыт. Порубил он белых всех до единого, саблю в ножны спрятал и сказал беднякам: «А теперь новую жизнь стройте, как вам самим того хочется! Никто вам мешать не будет. А коли зарубежные буржуи в наши края двинутся, меня кликните — не дам вас в обиду! Саблю острую и коня вороного всегда буду наготове держать!»

Есть ещё и другой сказ: когда в Ураде вражья пуля Чапая настигла, то успел он будто бы молвить слово прощальное товарищу своему, который плыл рядом. И просил слово то лично Ленину передать.

Товарищ наказ исполнил. Приехал в Москву и сказал Ленину:

— Командир наш, Чапай-удалой, повелел мне в свой смертный час повиниться перед вами, дорогой Ильич, что не уберёг он отряд красных от налёта белоказацкого, погибли в сражении самые верные и самые храбрые его боевые товарищи.

А Ленин ответил:

— Нет на Чапае вины. Он и его товарищи по-богатырски, до последнего дыхания бились за власть Советскую. Они — настоящие герои! А герои никогда не умирают. Чапаевское сердце бьется и впредь будет биться в груди каждого нашего

воина. И победить такую армию невозможно!

Может, был, а может, и не был такой разговор — кто знает! Одно доподлинно известно — лучшие чапаевские ученики и соратники стали потом его дивизией командовать. И у каждого билось в груди смелое сердце Чапая. Отомстили они врагу за любимого начдива — освободили и Волгу, и Урал, и Сибирь, сбросили белогвардейских бандитов в Каспий-море. С победой возвратились чапаевцы домой.

Но и после гражданской продолжал Чапай драться с врагом: и с фашистами в Испании — там лихо воевал батальон его имени, и в Великую Отечественную, когда наши солдаты, по-чапаевски бесстрашные и храбрые, грудью прикрыли Советскую Родину от смертельной опасности, прогнали захватчиков с нашей земли.

А ныне приходят в армию молодые воины, внуки чапаевцев. Встают они под опалённые войной и овеванные славой красные знамёна, клянутся по-чапаевски жить и служить, по-чапаевски защищать любимую Родину.

И Родина знает — не уронят молодые солдаты боевой славы и доблести потому, что в груди каждого из них бьётся бесмертное сердце Чапая.

Рис. Ю. Шабанова

СКОЛЬКО ни гадайте — всё равно не отгадаете, кто таков Покусай. А потому не стану дразнить ваше любопытство и расскажу о владельце этого странного имени.

Увидел я его в небольшом городке, на Кубани, в базарный день. Южный базар ранней осенью — не просто базар, а картина, написанная самыми горячими и сочными красками.

Пунцовые помидоры как будто спорят с оранжево-алыми перцами, похожими на язычки пламени. Полосато-зелёные арбузы и дыни солнечной расцветки соседствуют с чёрно-синими баклажанами.

В корзинах и на прилавках — тяжёлые кисти янтарного винограда, и по ним сотнями ползают осы, они обвелись виноградной сладостью, разомлели от жары и никого не кусают.

Выхожу из овощных рядов и попадаю в мясные, где на крючках висят розовые окорока, багрово-красные бараньи туши.

Но вот на пути вырастает толпа — не иначе какое-нибудь происшествие или дешёвая распродажа.

У телеги, на которой навалены битые куры, стоит загорелый, усатый дед в кубанке. Тут же просторная клетка из деревянных брусьев, а в клетке — пёс непонятной породы, серый, широколобый, с мохнатым хвостом. Придерживая лапами курицу, он, точно заводной, дёргает из неё перья, посверкивая крупными белыми клыками.

— Ло-о-вко! — говорит кто-то из толпы.

Дед приподнимает крышку над клеткой, просовывает руку и забирает у пса оципанную курицу. Пёс не выказывает ни малейшего недовольства, как будто так и надо.

— Такого волка в театрах показывать, — восхищённо произносит тот же голос. — От публики не отобьёшься...

Так вот оно что! Оказывается, в клетке не собака, а волк. Впрочем, если быть повнимательнее, можно это заметить сразу. Похож на собаку, и всё-таки совсем другой. И масть особая, волчья, и взгляд, и вся повадка.

Теперь ясно, почему тут собираются зрители. Нечасто увидишь так близко того самого зверя, о котором сложена известная пословица: сколько волка ни корми, а он всё в лес смотрит. Но этот уже изрядно подросший волчонок как будто не угнетён своим положением...

Мальчик в берете, с рюкзаком за плечами, вплотную приступает к деду. В руках у него авторучка и раскрытый блокнот, лицо очень серьёзное.

— А скажите, пожалуйста, почему он не поедает курицу и позволяет её отбирать?

Как видно, деду и самому интересно потолковать с таким собеседником, да и слушателей хоть отбавляй.

— Первое, стало быть, что он дело своё понимает, — не торопясь, отвечает дед. — Второе — сытый через край. Ему весь мясной отход с базара: потрохи, обрезки, ошмётки.

Мальчик в берете старательно записывает ответ.

— А как вы не боитесь, что он схватит вас за руку?

Дед усмехается в жёлтые отабаченные усы:

— Мы с ним старые знакомые. Он ко мне попал вот такусенький. Волчицу подстрелили, а его, значит, на воспитание. Внучок мой Федько с соски его выкармливал. Привык к нам, всех знает! А уж Федько, тот с ним, как хочет! Треплет его, да ещё приговаривает: «Ты же волк, покусай, покусай!» И кличка у него вышла такая: Покусай...

Собака обязательно повиляла бы хвостом, услышав своё имя, поглядела бы с дружелюбием, но волчонок невозмутим. Сидит, вытянув лапы, поджав задние, и только поглядывает умными глазами.

У мальчика уже готов новый вопрос, но тут беседа прерывается.

— Тосик! Может быть, хватит? Мы же опоздаем на автобус!

Это, конечно, мама. Наверно, она уже давно пытается увести отсюда своего Тосика, но он точно к месту прирос.

— Ну, мама же, неужели ты не понимаешь, что это имеет научное значение? Я же буду делать доклад у нас в кружке.

И снова устремляется к деду:

— А где он у вас живёт?

— Держим его в сараюшке, к цепочке приучаем, — обстоятельно рассказывает дед, — и на двор, конечно дело, пускаем побегать. Поначалу, как его выпустили, — сразу нашкодил: схватил курёнка и к себе в сарай. Ну, хозяйка увидала, чем он там занимается, отняла, а курёнок уже ощипанный по всей форме. В другой раз опять недосмотрели, а он, шкодник, нашего петуха прикусил и опять же перо с него долой, да так чисто — приходи любоваться. Должно быть, это от сытости. У волков нету такого обычая, они с перьями сожрут... Ну, думаю, этого фокусника надо людям показать. Еду с колхозными курами на базар и его с собой взял. Народу интересно, и торговля идёт бойчее. Купят курочку, а он её враз и обработает. Помочник безотказный...

— Тосик, всё! — решительно заявляет мама и тянет сына за рукав. — Автобусы ходят по расписанию!

— Мама, ну сейчас! — чуть не плачет Тосик и торопливо спрашивает: — А когда он вырастет большой, что вы с ним будете делать?

Коричневое морщинистое лицо деда становится озабоченным.

— Мы и сами прикидываем — волк всё-таки... А может, и ничего. Останется у нас вместо собаки. Будет дом стеречь. Он ведь умный, памятливый. Мы к нему с добром, а может, и он вырастет добрый. У меня такая думка, что если к кому с добром, то не должно это пропасть зря...

Дед внимательно глядит на волчонка, точно рассчитывая, что тот вникнет в его слова. И видно, что очень хочется деду, чтобы из серого питомца его вырос добрый волк.

ЗЕМЛЯ НАД ОБЛАКАМИ

О с е н ь

Осень в горах начинается сверху. Наплывут облака, укутают лесные вершины, и всю ночь слышен в лесу тревожный шорох ветвей: там, наверху, что-то творится.

Солнечное утро приносит разгадку: в горы пришла осень. Пожелтели все поднявшиеся в небо лесные вершины. Полюхают и горят, как позолоченные купола.

ДЕЖУРНЫЙ

Поле пшеницы на вырубке так и мозолит всем глаза, так и щекочет всем носы. Хозяин поля знает про это и отваживает любителей вершков, как умеет. Против кабанов он выставил колотушки. Вода из ручейка крутит колёсико с лопастями, колёсико поднимает лёгкие молоточки, и те всю ночь без перерыва стучат по звонкой железке. Против

птиц поставлено чучело. Чучело размахивает на ветру лоскутами растопыренных рукавов. Кабаны и птицы обходят и облетают поле стороной. А вот полёвки и мыши ничего не боятся: ни колотушек, ни чучела. Они валят пшеницу, подгрызая стебель зубами, и растаскивают колосья по норам. И ничего с ними не сделать. Хозяин только сердито бормочет и грозит кулаком.

Так, наверное, и растащили бы мыши всю пшеницу по колоскам, если бы не желтоглазый сыч. Сыч встал на караул. Лишь только зарозовеет заря — он уже торопится на дежурство. Мягко опустится чучелу на голову, потопчется, переминаясь с лапы на лапу, усядется поудобней и притихнет. И кажется со стороны, что сыч уснул. А он в два глаза смотрит и в два уха слушает. Полёвка ли чуть качнёт колосок, мышь ли едва слышно пискнет — сыч мигом взлетит. И неслышно, как лос-

кут мягкой тряпки, накроет воришку.

Дежурит сыч каждую ночь: от зари до зари. Стоит на посту не смыкая глаз — как старательны й часовой. Хозяин на него не нарадуется. И сыч работой доволен.

ВОРИШКИ

Повадился поползень у пасечника семечки воровать. Прицепится на подсолнух и длинным носом семечки так и выковыривает, так и выковыривает! Полный клюв наковыряет — и в лес. Там семечки рассует по тайничкам: в морщинки коры, в трещины стволов, за сучки, за лишайники. А сам снова на огород — за новой порцией. Так и мечется между лесом и огородом. И ничего от жадности не замечает. А за ним синицы следят: там нос из-за ветки, там глаз из-за листа. Подсматривают, куда поползень ворованные семечки прячет. И как только он из леса помчится на огород — синицы со всех крылышек к его тайникам. Выколупывают из щелей семечки.

Всё идет своим чередом: пасечник спит, поползень ворует, синицы едят. И все довольны. Пока...

ТРУСЛИВЫЕ ДРОВА

Проводник подбирает слова:
— Есть такой трусливый дрова, положи руку ближе — струсит!

Я начинаю вникать, благо некуда торопиться, впереди долгая ночь. «Дрова» — это, конечно, трава. А может, и листья. «Положи руку ближе» — значит дотронься. «Струсит» и есть струсит: съжётся, сожмётся. Так это же он мне про мимозу рассказывает! Растёт в предгорье красивое деревце с перистыми, как у акации, листьями. Дотронься до них, и они сразу «струсят» — съжётся и сложатся. Мимоза-недодрога!

— Есть, есть такой трусливый дрова! — поддакиваю я проводнику. — Я тоже видал!

Пощёлкивает костёр. Проводник ёрзает: он ещё что-то вспомнил, ему не терпится рассказать, и он снова подыскивает слова. Я жду. Торопиться нам некуда — целая ночь впереди.

ЛАКИРОВЩИК

Каждый раз до купания в луже кабан шлифовал дерево. Приваливался к стволу и начинал ёрзать боком вверх-вниз, вперёд-назад. Кожа у кабана грубая, щетина жёсткая: дерево шлифовалось до блеска. А после ванны, мокрый и грязный, он снова приходил к дереву и наводил на него последний глянец. Сперва, правда, от глины и сырости натёртое место тускнело. Но кабан старался вовсю. Тёр боками, рылом, спиной и даже ухитрялся лакировать задом. Ну просто разделявал дерево под орех! И зачем только ему блестящее дерево! Не смотреться же в него, словно в зеркало? Уж проще в лужу глядеть. Да и было бы глядеть-то на что...

А кабан шлифовал, полировал, лакировал. Перед каждым купанием и обязательно после. И не только кору стёр, но и в стволе протёр выемку. И похоже, не он один тут старался, а ещё его дед и прадед. А может, и бабка с прабабкой дерево шлифовали.

Такие лакированные деревья часто попадают у кабаньих купалок. Может, они им вместо мочалок? Да зачем мочалка после бани? А мо-

жет, это личный знак: тут моя баня — посторонним вход воспрещён?

Вот кабан выкупался и снова отправился дерево лакировать. Уж он-то знает зачем!

«МЕДВЕЖИЙ БУКЕТ»

— А в той щели сад яблоневого, — показал пастух.

— Хутор был, что ли? — спрашиваю я.

— Да нет! Дикий сад, сам по себе.

— Яблоки сорта «Вырви глаз» и «Скуловорот»? — смеюсь.

— Что ты! — не соглашается пастух. — Хороший сорт — «Медвежий букет».

Яблони в ущельице и в самом деле росли не в одиночку, а пышными букетами, по две и по три рядом.

— Раньше тут не было сада, — поясняет пастух. — Медведи сад посадили.

Щель эта безлюдная, тихая. Они, медведи, её для днёвок и облюбовали. Налопаются ночью яблок в селенских садах от пуза и топают опять сюда.

Лежат весь день в холодке да с боку на бок переворачиваются. А яблочки семечки, известно, не перевариваются. Они их и высаживают... букетами! Сорт хороший, «Медвежий букет»!

СЛАДКИЙ ДОЖДЬ

В горных лесах вкуснятина прямо на голову сыплется! В июле опадает черешня, в августе яблоки, в сентябре — груша и жёлуди, в октябре — каштаны, орехи буковые и грецкие. Непрерывный плодоягод-

ный град. Фруктово-ореховый ливень.

В ОРЕХОВОМ ЛЕСУ

Ореховый лес: светлый, просторный, с широкими кронами, с размашистыми морщинистыми сучьями. Листья на дереве грецкого ореха похожи на листья нашего ясеня. А вот орехи совсем не похожи на те грецкие, к которым мы привыкли и которые покупаем в магазине. На деревьях они висят в толстой зеленой кожурке. И похожи не на орехи, а на неспелые зеленые яблочки. И только когда они созревают совсем, лопнет зелёная кожурка и выпадает из неё желтоватый орех — тот самый грецкий, твёрдый и морщинистый, который продают в магазине.

На сбор грецких орехов торопятся не только люди. Любят орехи и дикие кабаны. Растаскивают орехи лесные крысы и мыши. И медведь орехи грызет. Так что, если замешкаться, то и собирать в лесу будет нечего.

КТО ОРЕХИ КОЛОЛ?

По ночам в ореховом лесу неспокойно. Слышно сопение, хруст, топот копыт.

По скорлупкам можно узнать, кто ночью шумел. Если скорлупка у следа копыт — кабан хрумкал орехи. А если у босого следочка с

мягкой пяточкой — барсук приходил. В этом орехе выгрызена дыра, на краях бороздки шириной в спичку — лесная крыса старалась. А в этом бороздки шириной в полспички — лесная мышь выгрызла.

На смену ночным орехоедам спешат утром дневные. Дятлы втыкают орех в щель коры и, пробив на боку дырку, выклеивают мякоть. Синицам крепкий орех не одолеть. Они ищут лежалый, разбухший, с раздвинутыми чуточку створками. Чтобы хоть нос просунуть.

Из распавшихся орехов мякоть выедают улитки. Их выдает блестящая слизь на скорлупе. Выедают мякоть и многоножки. Эти оставляют в скорлупках черненькие крупинки.

Много в лесу любителей грецких орехов. Но всех можно опознать по следам и скорлупкам. Если, конечно, хорошо присмотреться.

ПТИЧЬЯ ТРОПА

Бежал ручей по дну лошинки. Летом ручей пересох. Где бежал, осталась серая лента песка, а где прыгал с камней — бочажки. Вокруг бочажков — зелёные колечки травы. И если смотреть на сухую лошину сверху, то на дне её словно бы атласная серая лента лежит, а на ней, как бусы, колечки зелёные нанизаны. И у каждого колечка лучики светлых тропинок.

Самые заметные тропинки сходятся к самому крупному бочажку. Кто-то ходит к нему на водопой. Следов толком не разобрать: только

из сухой земли и рассыпчатого песка. Но и так видно, что тропинки набили мелкие обитатели пересохшей лощины.

Мне знакомы тропы козлов, кабанов, медведей. Знаю тропинки мышей и муравьёв. А эти мне незнакомы. И спрятаться негде, чтобы узнать.

Но прятаться и не пришлось. По странной тропинке гуськом бежали к воде... бутылки! Дюжина серых — горлышки вверх! — бутылок. Бутылки окружили родник и, опустив горлышки, стали нацеживаться.

Не бутылки, конечно, а горные куропатки! Кто видел их на бегу, тот всегда поражался, как похожи они на бегающие бутылки: горлышко вытянуто, тельце толстое и округлое.

Куропатки кланялись родничку, били земные поклоны. Дважды в день прибегают они к родничку на водопой. И вот натоптали к нему тропинки. Удивительные тропинки — птичьи. Таких нигде больше не встретишь.

ЗМЕИНЫЕ ШАРИКИ

Они словно скатаны из целлофана. Круглые и блестящие, с мячик от настольного тенниса. Но шарики не из целлофана, а из прозрачных

лоскутьев змеиной кожи. Этакие змеиные мячики.

Находил я их — иной раз сразу по несколько! — на сухих горах. Чаще всего у камней или под корявыми сухостойнами. Кто-то тут скатывал их и бросал. Чьих-то рук дело.

Но шарики оказались не рукотворными. Большая бурая птица, с неприятным плоским «лицом» и совершенно дикими, прямо бешеными глазами, села однажды на сухую коряжину рядом с укрытием. Птица вела себя странно. Она медленно поводила шеей, словно что-то глотала и никак не могла проглотить. Вдруг выгнула шею знаком вопроса, широко разинула хищный клюв, дёрнула головой и... выплюнула тот самый блестящий змеиный шарик.

Птица — орел-змеед. Это бесстрашный охотник на змей. А шарики — это лишнее и ненужное, что остается от змей и скатывается в зобу. Так что если найдёте мячики из змеиной кожи — знайте: тут змеед живёт. Смелый и редкий орёл с полыхающими глазами.

БЕШЕНЫЕ ОГУРЦЫ

С бешеными огурцами меня познакомил фазан. Он важно вышагивал, гордо покачивая головой с красными щёчками. И надменно блеснул его чёрный глаз. И хвост вызывающе торчал морковкой. И вдруг вмиг исчезла вся его индюшечья напыщенность и надутость! Фазан неуклюже подскочил, нелепо замахал куриными крыльями, заорал испуганно и гнусаво и удрал.

Я, конечно, сейчас же поспешил на то место. И... сам подскочил, как фазан! Что-то у ног запрыгало, замельтешило! А вроде и ничего особен-

ного. Сочные листья у ног, тонкие плети, а на них маленькие огурчики.

Пупыристые, ворсистые и... бешеные! Я чуть к огурцу прикоснулся, а он подскочил вдруг, от стебля оторвался и с треском выпалил в меня семенами! Как из ружья дробью!

Сбили бешеные огурцы спесь с фазана, обстреляли его семенами. Но стрельба эта невинная. Фазан отделался страхом, а я так ещё и порадовался: познакомился со стреляющим огурцом. Но больше всех выгадали сами огурцы: мы разнесли их семена в разные стороны. Рассадили их по новым местам.

ЯБЛОКОПАД

В яблоневом лесу созрели яблоки. Столько их, что ветки к земле пригнули! Толстые суки поломали. На яблонях листьев меньше, чем яблок!

Созрели на нашу голову: налетит вихрь — спасайся! А то забарабанит яблочный град по голове, по плечам. Выбьет барабанными палочками дробь на спине.

В каждой впадине, за каждой кочкой и камнем груды яблок ле-

жат. Шагнёшь по яблокам — треск и хруст. Сгребёшь их ногой, пнёшь — запрыгают под гору в речку. Вода в речке тоже вся в яблоках. Несёт

их, крутит, вертит, качает — в глазах рябит от яблочного разноцветья. На отмелях яблочные запруды, у берегов яблочные валы, в заливах воды не видно — вода яблоками закрыта, как осенними листьями. Прямо какое-то яблочное нашествие!

ПОДЪЁМНАЯ ГОРКА

Утром по ущельям стекает с гор холод. За горкой лесной, где сходятся два ущелья, потоки холодного ветра сталкиваются, подтекают под слой тёплого застоявшегося воздуха и выталкивают его столбом вверх. Столба этого, конечно, над горкой не видно: на глаз ведь тёплый воздух от холодного не отличишь. Но столб этот есть. И он бьёт вверх, как упругий фонтан. И показали его мне птицы. Те, которые не любят махать понапрасну крыльями, а любят плавать на них. Парящие птицы. Сипы, грифы, орлы.

Ранним утром, когда склоны холодные и тёплый воздух над ними не поднимается, этим птицам не на что опереться крыльями, чтобы вознестись к облакам. И тогда они спешат к своим подъёмным горкам.

Они легко скользят вниз на неподвижных крыльях к только им известным восходящим потокам. Стоит им попасть на «фонтан», и они начинают подниматься вверх, как на лифте. Широкой спиралью, чуть опрокинувшись на крыло, сипы и грифы кружат над горкой, ввинчиваясь выше и выше. Видно, как они подруливают веерами-хвостами. И узкие перья на их спинах трепещут от ветра. Ни одного взмаха крыльями. Фонтан тёплого ветра поднимает их без всяких усилий.

Вот над горкой один за другим вознеслась уже пара сипов, один гриф-ягнятник, пара стервятников, ворон и сарыч. Без труда вознеслись с первого горного этажа на самый верхний, четвёртый. И уже с высоты разлетелись в разные стороны. Ворон и стервятники заскользили в сторону обжитых равнин, а сипы и гриф поплыли в безлюдные горы.

Завтра утром они снова прилетят на подъёмную горку. И снова поднимутся в небо без взмаха крылом. Как по винтовой лестнице. Воздушной и невидимой. И безотказной.

КРУГОВАЯ ОБОРОНА

Сто глаз видят больше, чем два. Это даже дикие бараны-муфлоны знают. И поэтому, когда настаёт время сна и отдыха, они выходят на открытое чистое место, где видно далеко во все стороны. И занимают круговую оборону:

ложатся по кругу, головами наружу. Каждый муфлон видит всё впереди, а все вместе — всё вокруг. Лежат спокойно за крепким забором из костяных рогов. За оградой из зорких блестящих глаз. Ни с какой стороны незаметно не подойдёшь!

УКАЗАТЕЛИ

— У нас примета, — говорит пастух, — как поднимается на горные луга кукушка — пора и скот туда

гнать. Значит, трава поднялась. Это проверено.

Сама кукушка траву не клюёт, ей она ни к чему. Но вместе с травой, наверное, появляется на лугах и какая-то кукушья пожива: трава — пожива — кукушка. Кукушка пастухов на луга зовёт.

— Если отбилась из стада овца, — поясняет пастух, — следи за воронами и грифами. Они укажут. Толку, правда, в том мало — от овцы кожу да кости найдёшь: но уж и то хорошо, что не надо по щелям понапрасну искать. А бывает, овца ногу сломает или забредёт, откуда не вылезти. Над живой грифы не станут кружить. А раз не кружат, значит, надо искать, значит, жива овца, выручать надо. Ну, а уж если винтом закружили, да ещё и вороны орут — тут уж всё понятно.

Много разных примет. Кедровки в ельниках орут — значит, урожай на шишки. А осенью, бывает, беркуты кружат и кружат всё над одним ущельем. Знай, что скопились там табуны кекликов. И если пойдёшь с ружьём — пустым не вернёшься.

ШАГИ ДОВЕРИЯ

Черноголовая плиска подпускает меня на 5 шагов, жаворонок рогатый на 15, кулик-перевозчик на 2,5, а кулик-травник — на 50. Кукушка подпустила шагов на 80, а сарыч и коршун только на 200. Так я узнаю меру доверчивости птицы к человеку. Плиска доверяет человеку в 10 раз больше, чем травник, и в 40 раз больше, чем коршун или сарыч. Наверное, потому, что человек обижает её в 40 раз меньше...

УКРАШАТЕЛЬ

В скалах невольно ишу глазами гнездо скального поползня. Это самое интересное птичье гнездо. Похоже оно на глиняный кувшин, пришлёпнутый донышком к стенке. Слеплено основательно и добротнo. Ешё и украшено!

У каждого поползня свой вкус и мера. Один почти совсем не украшает свой дом — так, воткнёт в глину одно или два пёрышка. Зато другой перестарается и наляпает неумеренно. Видел раз гнездо, в которое были вмазаны сразу два голубиных крыла!

Бывают поползни прирождённые художники-декораторы. Запомнилось мне одно гнездо: оно блестело и переливалось. Ешё бы: в глину вокруг гнезда были вмазаны разноцветные камешки! Тут и там торчали яркие пёрышки. Пестрели щитки и надкрылья жуков: красные, чёрные, синие, зелёные! Янтарями горели кусочки смолы. Даже цветочные лепестки были пришлёпнуты к глине! Гнездо, украшенное мозаикой! Хоть на выставку, хоть в музей!

Но я гнездо оставил хозяину. Вряд ли кого это гнездо порадует больше, чем его самого!

САМИ С УСАМИ

У горных пищух усы невозможной длины: почти в длину тела! Усы не для красоты. Им без таких усов не прожить. Живут пищухи в каменных россыпях, пронизанных трещинами, туннелями и ходами. Темнота там и днём и ночью. Вот вы, что делаете, когда идёте по незнакомому тёмному коридору? Осторожно шупаете впереди пол

ногой — чтобы вдруг не провалиться. Растопыриваете руки в стороны — чтобы не стукнуться о стену. Но у пищух рук нет, и вместо рук

они растопыривают усы. Если кончики усов ничего не касаются — проход свободный, широкий. Если коснулись — значит, впереди выступ, поворот или тупик.

Нам, чтобы не заблудиться в лабиринте, нужен знающий провожатый. А пищухам не нужен. Они сами с усами!

НЕДОТРОГИ

По тесной угловатой норе протиснулся я в широкую пещеру. С трудом разогнул замлевшую спину, сел на ледяную тумбу и зажёл фонарь. Да так и остался сидеть, как при мороженный!

Колыхнулась от света чёрная пустота и поднялись по сторонам белые невиданные цветы! Белее снега, затейливей инея, тоньше, чем паутина. Такие нежные, что страшно шагнуть, страшно задеть, страшно громко сказать! Да, не всё под землёй только каменно, угловато и грубо. Не всё грязные залы, тесные норы, заляпанные глиняной жижей. Вот оно — чистое, тонкое, зыбкое!

Смотрю растерянно и даже испуганно. И родится ж такое посреди грязи и мрака!

Говорят, что нет ничего нежнее живых цветов. Они закрываются от капли дождя, тускнеют от ветерка. Мимоза капризно вянет, если её чуть коснуться рукой.

Но вот я вижу кое-что понежнее живых цветов — это цветы мертвые, ледяные. Цветы глубокой, тёмной, холодной пещеры.

Нечего и пытаться их сорвать — они тотчас рассыплются в прах, обратятся в лёгкое облачко ледяной пыли. Их даже тронуть нельзя. Нельзя к ним склониться, чтобы подробнее разглядеть: они растают от тёплого дыхания! Они вянут от тепла протянутых рук. Оплывают, никнут от одного того, что я сижу рядом с ними. Гибнут от тепла тела, как от жаркого солнца!

Цветы вечной темноты: выросли не для глаз, не для рук. Родились по каким-то своим диковинным подземным законам. Они непонятны, как непонятны ослепительные, яркие

краски, скрытые в чёрной глубине океана. Кого они радуют там и кому они там нужны, если никто их не может увидеть?

Яркость живых цветов привлекает бабочек и пчёл: они опыляют цветы. Но кому нужна красота в глубине океана, где всё утонуло во мраке? Или в пещере, где живут одни слепые мокрицы и черви?

И я лишний тут: я, не желая, гублю, порчу, не прикасаясь, убиваю их, чуть дыша!

Пора, пора уходить. Но мне не встать!

Может, я и впрямь очарован, застыл и остолбенел?

Даже в жар бросило! И сейчас же на ближних кристаллах-цветах набухли капли воды! — словно сверкающие росинки.

Нет, так нельзя. Надо спокойно. А то разогреюсь и всё погублю. Я просто, оказывается, примёрз к ледяной тумбе! Со скрежетом отдираю брезентовые штаны ото льда и снова втискиваюсь в тесную нору. Подальше, подальше от нежных подземных цветов, от этих ледяных недотрог! Пусть себе растут и цветут неведомо для кого.

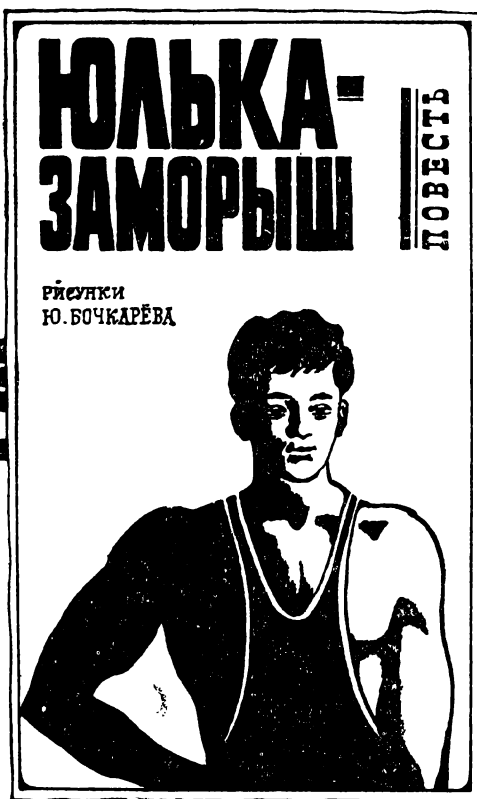
СУРЧИНЫЕ КАМНИ

У сурчиных нор всегда много камней: от маленьких для рогадки, до больших булыжников. Чего только про эти сурчиные камни не рассказывают! Булыжники сурки будто бы на лисиц скатывают. А мелкими камнями от орлов отбиваются. И даже между собой камнями дерутся. А на самом деле это мирные камни. Роят сурки свои подземные галереи, натыкаются на камни, и — хочешь не хочешь! — приходится их выкатывать. И камни скапливаются у норы. Сурку они тут не мешают. А вот любопытным не дают покоя.

СКОЛЬКО ЗИМ, СКОЛЬКО ЛЕТ?

Рожки у серны и украшение, и оружие, и... календарь! По рогам видно, сколько серна прозимовала зим и сколько пролетовала лет. Зимой рога не растут — появляется на рогах поясок. Сколько поясков — столько серне и зим. А сколько просветов-приростов на рогах — столько ей лет. О молодости или старости у серны прямо на лбу написано!

Часть II

Если очень хочешь...

Глава I ПОЕДИНОК

Прошёл год.

Этот день, первое октября, всё приближался. Неумолимо. Как мчащийся на полной скорости, грохочущий танк.

Вот уже осталась неделя. Шесть дней. Пять...

Вот уже всего три дня...

— Юлий, — позвала Женя.

Она отвела его в угол двора.

— Знаешь, у меня идея, — сказала она.

И умолкла. Видно, почему-то девочке не так-то легко было высказать свою идею.

— Видишь ли, в чём дело... — смущённо пробормотала она. А потом вдруг собралась с духом и, глядя ему прямо в глаза, отчеканила: — Заболей!

— Чего-чего? — не понял Юла.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 7 за 1971 г.

— А очень просто! С мерзавцами любая хитрость хороша. Заболей, и всё. Ну сиди дома, будто у тебя горло, или голова, или живот. Ну поболеешь недельку. Вот первое октября и проскочит...

Юла покачал головой.

— Стесняешься? — сердито сверкнула глазами Женя. — Да разве с такими, как Башня, стесняются? Мама говорит: типичный подонок.

Юла кивнул.

Да, подонок. Но уговор — это уговор.

— Ничего, — успокоил он Женю. — Посмотрим ещё, кто победит...

И сам почувствовал: не очень-то у него получилось убедительно.

Женя отвернулась, помолчала. Потом сказала:

— А вообще... Я раздобыла такой порошок... Ну так, на всякий случай. Химический порошок такой... Заграничный. Удаляет любые пятна, любую грязь и краску. Так что не унывай.

Юла хмуро усмехнулся:

— Ладно, спасибо. Не буду унывать.

— И ещё... Юлий. У меня просьба. Можно, я буду... На драке? Ну где-нибудь в углу. Совсем незаметно...

— Ты что?! — Юла даже рассердился. — Не смей! Не девчоночье это дело.

В тот же день с Юлой вёл тайные переговоры ещё один человек. Яшка Букашка. Он говорил взволнованно и крайне таинственно. Не говорил — шептал.

— Ты только не смейся, Юла, — оглядываясь, шептал Яшка. — Я придумал. Как только начнёте вы с Башней... Ну, драку... Я сразу — к маме, а она по телефону — в милицию. Понял? Крикнет: быстрее! На помощь! И всё. Милиционер на мотоцикле примчится и разнимет вас.

Юла засмеялся. Потрепал Яшку по голове:

— Ловко придумал! — Но потом нахмурился. — Нет, Яшка! Спасибо. Ты не лезь.

И вот наступил этот день, первое октября. День, которого Юла ждал все эти месяцы. Вернее, не то чтобы ждал, но чем бы он ни занимался — делал ли уроки, читал ли книгу, бегал ли в магазин, — об этом дне он, казалось, никогда не забывал. Этот день сидел в нём, как заноза. И, как заноза, всё время напоминал о себе.

В это утро Юла, как всегда, делал с Григорием Денисовичем зарядку во дворе. Они уже давно «заряжались» вместе. Только Григорий Денисович — полчаса, а Юла, как говорил Григорий Денисович, «по сокращённой программе».

Юла делал «насос» и вдруг подумал: «А если в самом деле... заболеть?»

Это было так просто. И так заманчиво. Да, заболеть... И всё. И никто не победил. И никто не струсил. И уговора никто не нарушил.

«Нет, — жёстко перебил сам себя Юла. — И не хитри. Или трусишь? Говори прямо — трусишь?»

Он сердито продолжал де-

лать зарядку рядом с Григорием Денисовичем.

Дворничиха тётя Шура поливала асфальт. Дворничиха не обращала на них внимания: уже привыкла.

Потом Григорий Денисович взялся за любимые свои гантели, а Юла перебрался к перекладине. Пятнадцать подтягиваний он теперь делал в два приема: восемь, передышка и ещё семь.

Но это мало радовало его, то и дело щупал он свои бицепсы. Вроде бы такие же, как прежде...

Витька Башня тоже, конечно, не забыл, какой сегодня день.

На первой же перемене к Юле подошёл Гешка.

— Как быть? — спросил он озабоченно. — У нас сурика всего полбанки. Хватит?

И захохотал. Смех у него был противный. Дребезжащий, будто он не смеялся, а икал.

На уроках нынче Юла сидел тихо, глядя прямо в глаза учителю. Юла видел, как тот открывает рот, но почему-то ничего не слышал. На физике Юла получил записку от Веньки: «После уроков во дворе. Так?»

Он кивнул.

Как назло, нынче он был каким-то вялым, сонным. И руки слабые, словно ватные. И в голове туман.

Венька изо всех сил старался морально поддержать друга.

Нет, честно говоря, в победу он не верил. Но Юле обэтом — ни-ни. Наоборот, он горячо утверждал, что за последний год

Юла стал крепче и сильнее, и ловчее, и даже вырос на три сантиметра. Насчёт трёх сантиметров это была, кстати, чистая правда. Юла делал отметки на двери.

Когда отзвенел последний звонок и ребята с шумом и грохотом покинули класс, Венька бодро сказал:

— Ну, пошли?

Юла кивнул.

Во дворе, возле сараев, их уже ждали. Витька Башня, грузно привалясь к стене, сосал леденец. Его дружки сидели на брёвнах, стояли вокруг. Было много и других ребят.

— Ну, Кай Юлий Цезарь, — сказал Витька. — Начнём?

Ему не терпелось быстрее выкрасить голову своему врагу.

— Я — секундант Юлы, — важно объявил Венька. Он вчера как раз перечитывал «Трёх мушкетёров» и теперь жаждал применить свои знания. — Надо разработать условия дуэли.

Башня оглянулся на своих: надо ли? Но его приятелям, видимо, понравилось это звонкое слово «дуэль».

— Дуй!

— Разрабатывай!

— Пусть всё честь по чести!

Договорились быстро: под вздох не бить, подножек не ставить, в кулаки свинчаток, камней не прятать.

— Бой из пятнадцати раундов, — напоследок внушительно прибавил Венька (так всегда дрались боксёры у Джека Лондона). — Победа нокаутом или по очкам.

И хотя никто не понял, все согласились.

По настоянию Веньки Башня тоже выбрал себе секунданта — шустрого, ехидного Гешку, который во время всех переговоров нарочно, стоя на самом виду, то и дело помешивал железным прутом от зонтика сурик в банке, поднимал прут, разглядывал, как с него медленно стекают в банку тяжёлые ярко-рыжие капли, и опять помешивал, вызывая смех и улыбки ребят.

Юла стоял молча. Он искоса бросал быстрые взгляды на Витьку Башню. Грузный, не-

складный, тот по-прежнему был на голову выше его. И руки длинные, как рычаги: такие везде достанут.

Витькины дружки в упор разглядывали Юлу. От них не укрылось, что плечи у него за последнее время развернулись, стали шире и крепче. Но всё же он и теперь выглядел маленьким и, конечно, гораздо слабее Башни.

— Гонг! — строго скомандовал Венька. — Начинайте.

— И грянул бой! — сказал Башня.

Он выплюнул леденец, подскочил к Юле и наотмашь шлепнул его по щеке. Удар был несильный, но хлёсткий и звонкий.

Ребята загоготали. Юла даже растерялся. А Витька ударил, ещё и ещё...

— Го!

— Лупи!

— Вот это врезал! — кричали Витькины дружки.

Понемногу Юла оправился. Но он всё ещё ни разу по-настоящему не стукнул Витьку, а лишь оборонялся — отскакивал, наклонялся, увёртывался.

— Сунь ему, Башня!

— Так!

— Катай! — орали мальчишки.

Были среди ребят, конечно, и сторонники Юлы: Яшка Букашка и ещё несколько малышей. Но их было мало, и они боялись Витьки Башни. И понимали, что у Юлы нет шансов на победу.

Они молчали.

Юла чувствовал: в нём закипает ярость. Все, все против него. Все, кроме Веньки и ещё нескольких мальчишек, жаждут, чтобы Башня быстрее победил. Все хотят выкрасить ему голову суриком.

Нет, боли он не ощущал. Ни боли, ни усталости. Лишь злоба и желание победить, обязательно победить, всё сильнее разрастались в нём.

Они дрались уже долго. Оба взмокли, громко сопели.казалось, Башня избивает Юлу. Вот-вот Юла свалится, сдастся.

Но зрители не замечали, что грузный, неповоротливый Баш-

ня уже устал и суёт кулаками почти наугад, чаще в воздух, чем в Юлу. А тот ещё свеж.

Гешка и Кешка насторожились, когда Юла вдруг нанёс Башне несколько точных ударов по голове. Правой и левой...

Приятели Башни молчали. Им не хотелось верить, что это — перелом.

«Случайность, — убеждали они себя. — Сейчас Башня оправится, и тогда...»

Но Башня уже не смог оправиться. Он побледнел, дышал тяжело, со свистом, и не бил, а лишь защищался.

Юла ударил его в подбородок, как показалось ему самому, совсем несильно, но вдруг у Башни подогнулись колени и он мягко, как куль с мукой, осел на землю.

— Ура! Нокаут! — радостно заорал Венька.

— Ура! — закричали и малыши, которые теперь наконец-то поверили в Юлу.

Кажется, больше всех был удивлён сам Юла. Он вовсе не ожидал, что его удар окажется таким могучим.

Оцепенели дружки Витьки Башни.

Но это был не нокаут. Башня встал, рукавом отёр кровь на губе.

И снова они дрались.

У Юлы сил уже тоже было маловато. Они тузили друг друга почти вслепую, а иногда, сцепившись, так и стояли, обхватив друг друга. Как-никак, всё-таки это был отдых. Потом снова почти наугад совали кулаками.

Юла задыхался. Он уже не

видел лица Башни. Вместо лица перед ним мелькало какое-то мутное пятно. Оно почему-то становилось то большим, как две головы, то сжималось, а иногда и вовсе пропадало.

Юла чувствовал, что ещё минута, две, — и он свалится. Нет, не от удара, а так, сам, обесилев.

И вдруг Юла услышал чей-то властный голос. Вроде бы знакомый, но кто это и что он сказал, Юла не понял. Не понял, видимо, и Башня.

— Брек! — повторил мужчина и встал между ними.

И только тогда Юла увидел: это Григорий Денисович.

— Брек! — в третий раз приказал Григорий Денисович. — Боксёры по этой команде должны прекратить бой и сделать шаг назад. Ясно?

Юла и Башня стояли словно оглушённые, всё ещё не очень чётко понимая, что происходит.

Но тут вмешался Венька. Как настоящий рефери — су-

дья на ринге, — он взял обоих противников за руки. Рефери поднимает руку победителя.

— Бой окончился вничью, — торжественно объявил Венька.

И вдруг неожиданно заорал:

— Ур-ра!

Глава II

БЛЕСТЯЩАЯ ИДЕЯ

Как удивительно быстро разносятся вести! Вскоре уже весь двор и, кажется, вся школа знали: Юлька-Заморыш побил длинного Башню! Ну, бой, правда, кончился вничью, но в общем — это почти как побил.

В тот же вечер Юла и Женя, как всегда, выгуливали Кванта.

— Неужели это правда? — радостно спросила Женя.

Юла смущённо пожал плечами. Неловко же сказать: да, правда. И вообще-то: он же всё-таки не победил...

— И тебе не было страшно? — допытывалась Женя. — Ведь Башня, он такой...

Юла задумался. Он и сам не знал: боялся он? Или нет? Помнил только: на уроках уши словно водой залило. Будто нырнул глубоко-глубоко. Но отчего? От страха? Или просто от волнения?

— Григорий Денисович откуда-то вдруг взялся, — сказал Юла. — Как чудо-спаситель. И разнял нас. А не то бы... — он пожал плечами.

Он и сам не знал, как кончилась бы стычка, если б не Григорий Денисович.

Юла замолчал. Так, молча, шли они долго.

— И чего мальчишки вечно дерутся? — задумчиво сказала Женья. — Ну, у животных это понятно. Они бьются за пищу. А мальчишки — чего? Впрочем, Башню — это ты правильно. Мерзкий тип... Я вот недавно пошла с мамой в кино. Пришли к самому началу, билетов уже нет. Повернули домой, а тут — Башня. — «Билеты? Пожалуйста». — И, понимаешь, не стыдится даже, — горячилась Женья. — Содрал чуть не вдвое. Спекулянт проклятый!

Юла кивнул. Да, он знал. И Башня, и Шука подрабатывали на билетах. Башня однажды хвастался, что, когда пошёл новый французский фильм, он за один вечер перепродал восемнадцать билетов.

Они ещё долго бродили с Квантом. Выбирали, как обычно, улочки потемнее, пустынной. А то на проспектах дворники ругаются из-за Кванта, велют намордник надеть и ве-

сти на поводке. Но в наморднике — что за прогулка?

— А ты, оказывается, смелый, — сказала Женья. — С тобой не страшно.

Юле было приятно. Но он отшутился:

— Особенно, когда Квант рядом.

— При чём тут Квант?! Я всерьёз. Ты, Юлий, молодец. И главное — справедливый.

Юла пожал плечами.

...Мать тоже сразу же узнала о стычке с Башней. Она перепугалась. И особенно потому, что Юла не отступил перед Башней.

— Ты от этого бандита теперь подальше, — тревожно внушала мать. — Он ведь захочет отомстить. Такой и ножом пырнёт. С него всё станет.

Но самую удивительную мысль высказал Венька. Он привёл Юлу в кабинет отца. Они забрались с ногами на тугой кожаный диван. И Венька торжественно сказал:

— Знаешь, что такое двадцатый век? Это век строгого логического мышления. Давай же будем строго логичны. Итак — пятнадцать подтягиваний, и за год ты стал вдвое сильнее. Но если с завтрашнего дня начать снова отсчитывать год? Снова пятнадцать подтягиваний. Значит, через год ты станешь ещё вдвое сильнее? Логично? А ещё через год — ещё вдвое! И так — без конца!

Юла был потрясён.

В самом деле... Так просто! И так логично!

Честно говоря, после поединка с Башней он как-то перестал думать о дальнейших тренировках. Но эта сокрушительная Венькина логика!.. Она вмиг лишила его покоя. Ведь так и в самом деле в конце концов станешь Али-Махмуд-Ханом!

На следующее утро на дворе, когда Григорий Денисович отработал с гантелями, Юла рассказал ему про Венькину логику.

— А что? Дельно, — ничуть не удивившись, сказал Григорий Денисович. — Подтягивания — это, конечно, неплохо. Но, понимаешь, однообразно. Скучно. Надоест в конце концов. Да и развиваются одни и те же мускулы.

Он задумался.

— Спортивная школа! — вдруг чётко сказал он. — Вот куда твой путь!

Юла усмехнулся:

— Был...

И кратко рассказал о своей прошлогодней попытке. Григорий Денисович слушал сумрачно.

→ Сделаем так, — сказал он. — Сходим туда ещё раз. Вместе. Сегодня я не могу. Завтра, к сожалению, тоже. А вот послезавтра, днём, сразу после уроков — пойдём. Запомнил? Послезавтра, в четыре часа.

Юла кивнул.

И сразу чётко увиделось ему мужественное загорелое лицо старшего тренера. Его литые плечи и грудь, обтянутые синей трикотажной футболкой. Его чуть выпуклые чёрные глаза, крупный орлиный нос.

«Нам надо растить достойную смену нашим прославленным чемпионам...» «В школу мы отбираем самых одарённых, самых талантливых ребят».

Глава III

СКОЛЬКО ТЫ ЛЮДЯМ ДОЛЖЕН?

По вечерам любил Юла беседовать с Григорием Денисовичем. Недолго. Приведёт Кванта и чуточку постоит, поговорит. Конечно, если Марии Степановны нет, жены Григория Денисовича. Мария Степановна строгая. При ней не болтаешь.

И вот сегодня Юла тоже прошагал к столу. Чуточку поговорили про дельфинов. Какие они умные и как тонущих людей в море спасают.

А потом Юла и говорит:

— А моя мама, между прочим, удивляется, зачем, мол, вы на меня столько времени тратите?

Григорий Денисович нахмурился. Помолчал. Походил по комнате. Сказал:

— Садись.

Юла пожал плечами и остался стоять.

— Садись, садись, — настойчиво повторил Григорий Денисович. — Это разговор непростой. И длинный.

Юла сел.

— Ты вот когда-нибудь задумывался: сколько ты людям должен? — вдруг спросил Григорий Денисович. — Не думал? А зря! Это очень важный, можно сказать — фундаментальный вопрос. Главный в

жизни. — Он замолчал и медленно, словно раздумывая, повторил: — Сколько ты людям должен?

Юла пожал плечами. Сколько он должен? А кто его знает?! Кажется, никому ничего...

— Вот я, например, — продолжал Григорий Денисович. — Я, например, много людям задолжал. Да, очень много...

Понимаешь, жизнь у меня

встретился. Дмитрий Данилыч. Заядлый футболист. Фанатик. Вот этим-то футболом он меня и купил. Да не меня одного. Всех наших мальчишек. У нас четыре команды футбольных было. Представляешь? В одном детдоме — четыре команды! И какие! Меж собой мы сражались до одури. А когда выставляли сборную детдома — всех подряд побеждали.

Вот этому-то Дмитрию Да-

трудно складывалась. Точнее — вовсе не складывалась. Девяти лет остался я без родителей. Рос без всякого там ухода и присмотра. На улице. Как крапива. Четыре раза из детдомов убегал. Меня водворят туда, а я опять... Не знаю уж, то ли детдома мне такие неладные попадались, то ли сам непутёвый был.

А вот в пятом детдоме я застрял. Надолго. И знаешь почему? Воспитатель такой

нилычу — первый мой долг. Без него остался бы я бродягой или, того хуже, вором бы заделался.

Но есть у меня долги и покрупнее...

Григорий Денисович помрачнел, шагнул к столу, показал пальцем:

— Видишь?

Юла поглядел. На столе, на толстой квадратной стеклянной пластинке, лежал маленький кусочек металла. Тёмный,

сплюснутый, почти бесформенный. Юла давно подметил этот странный ошметок на столе, но как-то не задумывался, что это.

— Пуля, — сказал Григорий Денисович.

Взял этот кусочек металла, подержал, словно взвешивая, на ладони и передал Юле.

— Вернее — бывшая пуля, — уточнил Григорий Денисович. — Это случилось в Германии. Заняли мы один немецкий городок, Мариенбург. Крохотный такой, забавный городишко. Как игрушечный. Дорожки цветными кирпичиками выложены. И домики — разноцветные. С острыми крышами. И смешными флюгерами.

И вот идём по улице, я и несколько солдат из моей роты, — я тогда ротой командовал. И вдруг один из солдат, Саид Бобохонов, хлоп! — меня на панель и сам — на меня. А тут — очередь из автомата. Я лежу, ничего ещё не соображаю. А кто-то из наших — раз! — и срезал того фрица.

Оказывается, немецкий автоматчик неожиданно выскочил, но Саид подметил.

Да, меня прикрыл. А сам... — Григорий Денисович умолк, покрутил в руке пулю.

— А сам? — нетерпеливо подсказал Юла.

— А сам был тяжко ранен. Оперировали Саида. И вот извлекли, — он снова покрутил в руке корявый кусочек металла. — Через день Саид умер, не приходя в сознание... А врач в санбате вот, на память

мне... — Григорий Денисович хмуро замолчал.

И Юла молчал.

— Этот долг — побольше всех других моих долгов, — медленно произнёс Григорий Денисович. И упёрся в Юлу тяжёлым взглядом. — А как думаешь — долги платить надо?

— Надо, — кивнул Юла. — Только кому? Саид-то погиб.

— Э-эх! Ничего ты не понял! — Григорий Денисович глянул сердито, и скобка у него на щеке опять сжалась и разжалась. — Людям платить надо! Людям! Понял? Всем.

«Всем? И мне тоже?» — подумал Юла. Но не спросил.

— Ну, подрастёшь, сам до всего дойдёшь, — сказал Григорий Денисович. — А матери передай: никакой я не святой. Просто долги плачу. Так и скажи.

Глава IV

КРАСАВЕЦ ТРЕНЕР

Юла с Григорием Денисовичем подошли к зданию спортшколы.

Знакомый Юле дом теперь подновили: щербатые выбоины от осколков снарядов замазали, загладили. Но и сейчас они всё-таки проступали заплатками на гранитных плитах.

— Пойдёмте к директору. Ладно? — попросил Юла.

Григорий Денисович посмотрел на него, смешно прищурил глаз. Он, конечно, понял: Юле очень уж неохота встречаться опять со старшим тренером.

Они направились к кабинету, на котором висела табличка: «Директор».

— Ну, не трусь! — улыбнулся Григорий Денисович.

И они вошли.

За столом сидел всё тот же мужчина: высокий, загорелый, с могучей грудью и литыми плечами. Юла глянул на него, потом на Григория Денисовича, и тот сразу всё понял.

— Простите, вы — директор? — спросил Григорий Денисович.

— Нет, я — старший тренер. Но сейчас заменяю директора. Он болен.

Тренер умолк. Словно приглашал: «Ну, я вас слушаю».

Григорий Денисович быстро глянул на Юлу.

«Ничего не попишешь...»

— Вот этот мальчик, его зовут Юлий Богданов, очень хотел бы заниматься у вас, — сказал Григорий Денисович.

Тренер посмотрел на Юлу.

«Узнает? Или нет? — подумал Юла. — Лучше бы — нет».

Но у старшего тренера память, видимо, была отличная.

— Ты, кажется, уже приходил ко мне, мальчик?

В голосе его звучала доброта, чуть не ласка.

Юла кивнул. Он и вообще был не речист, а сейчас — и подавно.

Григорий Денисович понял: пора!

— Юлий уже был у вас год тому назад. Вы не приняли его, — сказал Григорий Денисович.

— Да, — перебил тренер и вздохнул. — Знаете, мальчишки к нам идут потоками. А мы должны отбирать лишь самых талантливых, самых одарённых.

«Наша задача — растить достойную смену прославленным советским чемпионам», — мелькнуло у Юлы.

И тренер сказал:

— Наша задача — растить достойную смену нашим мастерам и чемпионам. Чтобы они ещё выше подняли знамя советского спорта...

Григорий Денисович слушал его внимательно. Так внимательно, будто впервые довелось ему услышать столь необычные, умные и дерзкие мысли.

— А ваш сын... — тренер вздохнул и развёл руками.

— Юлий — мне не сын.

— Ну, всё равно. Этот мальчик слабо развит физически. И рост... И возраст... — тренер опять с сожалением вздохнул.

— Но Юлий за последний год очень окреп, — сказал Григорий Денисович. — Он теперь подтягивается уже восемь раз подряд!

— Допустим, — согласился тренер. — Верю, что бицепсы его укрепились. Но рост... И общая конституция... — тренер пожал плечами.

— А разве можно заранее точно предсказать будущее человека? Его способности? Его призвание? — спросил Григорий Денисович. — По-моему, наука до этого ещё не доросла. А на практике мы знаем много конфузов. Помните, мо-

лодого Шаляпина даже не приняли в хор! Не солистом, а в хор! Это будущего-то великого певца! А на мальчика Исаака Ньютона школьный учитель физики вечно жаловался родителям. Он, мол, совершенно туп к его предмету. Это не помешало Ньютону стать гениальным физиком. Таких примеров сотни и тысячи. И не только в науке, искусстве. Но и в спорте. Знаменитый пловец...

— Да, да, знаю, — перебил тренер. — Конечно, всё случается. Но... Это исключения. А мы должны...

— Мы должны, во-первых, ценить в человеке его настоячи-

вость, целеустремлённость, — перебил Григорий Денисович. — И если мальчик так упорно хочет заниматься спортом, мы не вправе его отталкивать. Может быть, из него и не вырастет чемпион. Ну что ж! А может, и вырастет новый Люляков? Тот ведь тоже в детстве был хилым. Не так ли?

Старший тренер встал. Видно было — он сердит. Но сдерживается.

— Мне было очень интересно выслушать ваши соображения, — сказал он. — И такой каскад блестящих примеров. Но... Передо мной чёткая задача: давать ежегодно восемнадцать перворазрядников. Спу-

стя два-три года с меня потребуют и мастеров. А ваш мальчик...

— Бесперспективен? — не без ехидства подсказал Григорий Денисович.

— Именно.

— Ну, хорошо, — Григорий Денисович тоже встал. — Я буду жаловаться...

Тренер наклонил голову. Пожалуйста, мол.

...На улице Григорий Денисович поглядел на унылого Юлу.

— Эй, — сказал Григорий Денисович. — Не кисни! Мы ещё повоюем!

Глава V

СВЕРХ КОМПЛЕКТА

«Мы ещё повоюем!» — сказал Григорий Денисович.

Но шли дни, а никакой «войны» Юла не видел.

Каждое утро встречался он во дворе с Григорием Денисовичем. Вместе делали зарядку.

Юла теперь видел: особенно много занимается Григорий Денисович своей раненой ногой. И скакалка — для неё. И присядка — для неё. И подскоки, пробежки — всё для неё.

В короткие минуты передышек, урывками говорили. О Кванте, о погоде, о футболе. О подводных лодках, йогах, солнечном затмении. Но о спортивной школе Григорий Денисович молчал. Будто во все забыл о ней. А Юле неловко было напоминать.

Так прошло недели две.

— Выздоровел, — сказал однажды Григорий Денисович.

Юла не понял.

— Директор спортшколы наконец-то изволил выздороветь, — пояснил Григорий Денисович. — Я по телефону узнал. И договорился. Завтра идём к нему. В пять. Ясно?

Сердце у Юлы громко стукнуло и остановилось. Он лишь кивнул. Голос у него вдруг пропал.

Вечером он обо всём рассказал Жене.

Она промолчала. Долго шли они так, молча.

— Знаешь, Юлий, — наконец сказала она. — Ты только не сердись. Ты меня удивляешь... По-моему, человек должен развивать свой талант, свои способности. Вот Венька, например. Он прирождённый математик. И стремится стать хорошим математиком. Это естественно. Смешно, если бы Венька вздумал стать, например, певцом.

Юла улыбнулся. Это и впрямь было бы забавно. Венька даже мотив «Варяга» нещадно врал — получалось похоже то на «Дубинушку», то на «Варшавянку».

— А я вот люблю животных, — продолжала Жена. — Мама говорит, что когда мне было всего три года, я уже не пропускала ни одной кошки. Ходила вся исцарапанная. А в четыре года я вылечила ворону со сломанным крылом. И приучила её каждое утро приходить к нам на крыльцо и здороваться. Значит, мне надо становиться зоологом.

— Безусловно, — подтвердил Юла. — Ты будешь Пав-

ловым. Или Дарвином. Или этим... который микробы... Поль де-Крюи.

Но Женя не отозвалась на шутку.

— А вот ты, — продолжала она. — Ты, как нарочно, делаешь всё наперекор самому себе. Да, наперекор своей природе. Только не сердись... Ты — низенький, хилый. А почему-то вбил себе в голову стать силачом. Но это же не твоё призвание! А у тебя ведь есть, наверно, какой-то свой талант. Может быть, в тебе таится великий композитор...

— Нет! — засмеялся Юла. — Не таится!

— Не остри. А может, ты — будущий Блок или Лермонтов? Кто знает? Надо проверить. Надо найти, открыть свой талант, а не лезть на рожон, наперекор всему.

— А если у меня нет талантов? Никаких! — хмуро сказал Юла. — Хорошо Веньке. Или тебе. А у меня — нет. Поняла? Нет особых дарований. И потом, — он вспомнил слова Григория Денисовича, — ещё Максим Горький говорил: «Каждый человек может и должен быть сильным». Поняла? Каждый!

Они опять долго шли молча.

Вечер был тёплый, тихий. И так хорошо шагалось в этой гулкой, прозрачной тишине.

— Вот ты говорила, что я — справедливый, — сказал Юла. — Предположим. Но может, я для того и хочу быть сильным, чтобы воевать с подлецами и мерзавцами. Дистрофику долго не выстоять.

Они опять замолчали.

— А помнишь, Юлий... Только ты не рассердишься? — вдруг сказала Женя.

Юла пожал плечами. Откуда он заранее может знать?

— Понимаешь... — Женя смотрела мимо Юлы. — Помнишь, ты удивлялся: откуда взялся Григорий Денисович? Ну, когда ты дрался с Башней...

Юла кивнул.

— Так вот... — Женя говорила всё медленнее, будто на ходу решала: сказать или нет? — Так вот... — повторила она. — Это я... — И умолкла.

— Что ты? — не понял Юла.

— Это я... сказала Григорию Денисовичу, что вы там с Башней... Чтобы он быстрее... на помощь...

Юла остановился. Вот, значит, в чем секрет! Вот почему в самый нужный момент, словно волшебник из сказки, вдруг появился Григорий Денисович!

— Только не сердись, Юлий, — зачастила Женя. — Понимаешь, я сидела дома и всё время глядела на часы. И мне казалось: вот сейчас Башня сломал тебе нос. А сейчас — ударил в глаз. А сейчас — снова в нос. Я не выдержала. Побежала к Григорию Денисовичу...

— Всё ясно, — перебил Юла.

Он стоял хмурый и злой. Вот, значит, как! Он-то думал: был честный бой. И честная ничья. А это опять Женя с вечной своей дурацкой заботливостью. Всегда она влезет. Пек-

лась бы о своих кошках и воронах...

— Я же просил тебя: не суйся! — раздражённо выкрикнул Юла. — Просил?! Не бабское это дело, понятно?

Глаза у Жени сощурились. Они стали узенькими, как щёлочки. Юла никогда ещё не видел у неё таких глаз.

— Не бабское? — тихо спросила она.

Повернулась и, не говоря больше ни слова, пошла, быстро стуча каблучками. Она шла и шла, и каблучки цокали по камням всё быстрее и чётче.

— Женья! — крикнул Юла.

Она не остановилась. Даже не оглянулась.

— Женья!

Не оглянулась.

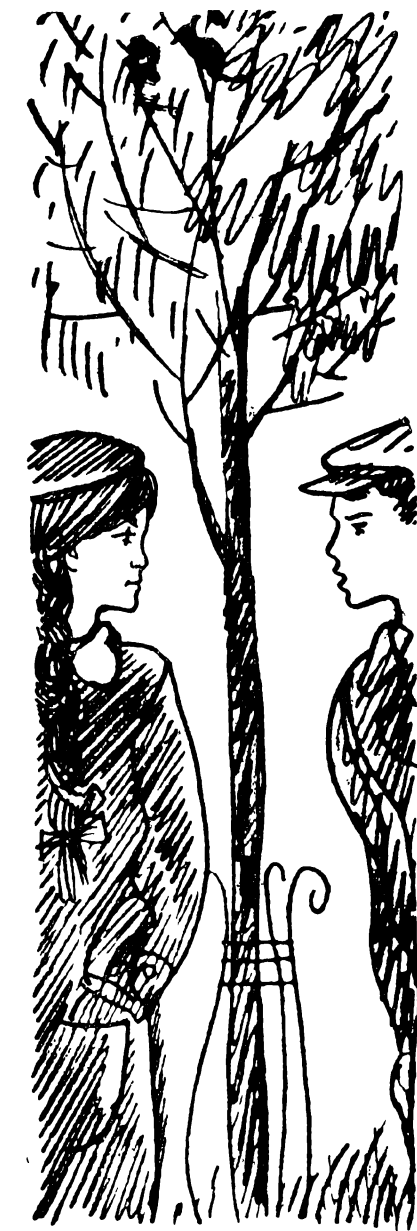
...ДИРЕКТОР спортшколы оказался пожилым, толстым, с круглой бритой головой и усами. Усы были странные: росли только над углами рта, маленькие такие кисточки.

«Как у китайца», — подумал Юла.

Когда Григорий Денисович и Юла вошли к нему в кабинет, возле стола сидел ещё какой-то мужчина, молодой, в синих брюках и синей майке. Плечи и руки его, обнажённые, были тяжёлыми, мощными.

«Боксёр? — мелькнуло у Юлы. — Штангист? Или гимнаст?»

Вероятно, Григорий Денисович и Юла пришли не совсем удачно. Директор, судя по всему, только что спорил о чём-то с этим молодым здоровяком. У обоих были разгорячённые

лица, а раньше, за дверью, Юла слышал их громкие голоса. Но когда вошли Григорий Денисович и Юла, директор сразу прервал спор, повернулся к ним.

— Слушаю.

И несколько раз словно про-

мокнул платком круглую вспотевшую голову.

Григорий Денисович напомнил ему о телефонном разговоре и коротко изложил, в чём дело.

— Да, да, понимаю вас, — директор сердито передёрнул плечами. — Но и вы должны понять моего помощника. Наш старший тренер старается отобрать самых перспективных ребят...

«Опять...» — тоскливо подумал Юла.

Григорий Денисович сказал:

— Однако учтите: у Юлия Богданова большая настойчивость, упорство. Я вот уже год делаю с ним зарядку. И не было случая, чтобы он пропустил. И каждый день — подтягивания. Пятнадцать — утром, пятнадцать — вечером. За один год он очень окреп. И главное, жаждет и дальше тренироваться. По-моему, в этом — залог успеха.

Григорий Денисович замолчал, а директор всё так же сидел, насупившись, сжав губы, опустив усы-кисточки, и словно ждал: ну, что ещё скажете?

Наступило неловкое молчание.

— Сколько тебе лет? — спросил директор у Юлы.

— Тринадцать.

— Ну вот видите, — показывал голый головой директор. — Он уже и переросток к тому же. А почему ты такой худой? — повернулся он к Юле. — И не растёшь? Наверно, мало каши ешь?

Юла понял, что директор так шутит. Юла улыбнулся,

хотя улыбаться сейчас ему вовсе не хотелось.

— Тринадцать... — повторил директор. — Для плавания — поздно, для коньков — тоже. А ты, кстати, бегаешь на коньках?

— Так... Не очень, — признался Юла.

— Ну, вот. Для гимнастики — жидковат. И для лыж — тоже... Для баскета — ростом не вышел. И для волейбола...

Директор говорил, хмуро глядя в стол.

«Точка, — подумал Юла. — Финиш».

Ему вдруг всё стало безразлично. Как-то холодно внутри. И пусто. Не примут? Ну и ладно! Ну и пусть.

Неожиданно в разговор вмешался молодой мужчина в майке. Всё время он сидел молча, а тут вдруг подался вперёд и спросил:

— А скажи, Юлий, только честно, ты очень хочешь к нам в школу? Очень? Или так... средне?

Юла поднял на него хмурые глаза. И с неожиданной даже для себя самой злостью ответил:

— А какая разница? Ну, очень. Даже очень-очень. Даже сверх очень. А толку?! Бесперспективный я, ведь слышали?

И столько горечи было в его голосе...

Молодой мужчина в синей майке нахмурился, подёргал себя за нос и вдруг решительно заявил директору:

— А знаете, Яков Мироно-

вич, мне этот паренёк нравится...

Директор посмотрел на мужчину исподлобья. Этот взгляд из-под косматых бровей яснее ясного говорил: чего ты лезешь? Кто тебя спрашивает? Но молодой словно не понимал этого взгляда. Не хотел понимать.

— Я бы взял паренька, — твердо продолжал он.

— Но у вас же группа полностью укомплектована, — резко возразил директор.

И снова стал, как промокашку, прикладывать платок к голове.

— Ничего. Возьму сверх комплекта. Один не помещает. — И, повернувшись к Юле, молодой весело спросил: — Борьбой хочешь заняться? Отличная штука, между прочим!

«Борьбой?» — Юла поднял брови.

О борьбе он почему-то раньше не задумывался. О футболе думал, о хоккее, о гимнастике. Даже о фехтовании. А вот о борьбе...

— Прекрасная идея! — торопливо вмешался Григорий Денисович. — Борьба! Тем более тут у Юлия уже есть определённые успехи, — он подмигнул Юльке.

«Это насчёт Башни», — сообразил тот.

— И возраст для борьбы как раз подходящий, — продолжал мужчина в майке. — А что щупленький — пойдёт по наилегчайшему весу. Короче, если вы, Яков Миронович, не

возражаете, я возьму мальчонку.

Директор пожал плечами. Он пошевелил усами-косичками, видимо собираясь что-то сказать. Но Григорий Денисович вскочил и с несвойственной ему торопливостью пожал руку сперва директору, потом тренеру:

— Благодарю! От души благодарю!

Глава VI

ОПЯТЬ ВРАЧИ

Венька, когда Юла рассказывал, что вчера его приняли в спортшколу, заорал:

— Ура! Салют! Виват! Победа!

Потом вдруг притих, задумался и, словно бы между прочим, спросил:

— А медосмотр? Уже прошёл?

Юлу как током хлестнуло. Как же это он?! Вовсе и не подумал... И Григорию Денисовичу ничего не сказал.

Ах, болван! И все эти хлопоты, походы — к тренеру, к директору — всё это напрасно. Врач, конечно, не пропустит. Ведь в Суворовское-то не разрешил. Сердце... А в спортшколу — и подавно.

Вечером, гуляя с Квантом, он только и думал:

«Ах, шляпа! Бестолочь. Так тебе и надо!»

И вдобавок не было рядом Жени. Юла ощущал это так сильно... Без Жени и прогулка с Квантом сразу потеряла интерес.

«А может, я не прав? Ведь

Женя хотела, — как лучше...»

От этих мыслей становилось совсем скверно.

Квант тоже словно бы чувствовал: плохо Юле. Пес всё время шёл рядом и поглядывал на Юлу выпуклыми грустными глазами.

«Я понимаю: горько тебе, — говорили эти глаза. — Бывает. И хуже бывает. Не горюй. Всё в жизни приходит и проходит».

После прогулки Юла привёл Кванта и, хотя решил нынче не тревожить Григория Денисовича, не удержался: всё рассказал ему.

— Да, брат... — Григорий Денисович поскрёб пальцем переносицу. Он не знал, что Юла когда-то пытался поступить в Суворовское. Это было до его переезда сюда.

— Натворили мы с тобой глупостей, — продолжал он. — Может, тебе и впрямь нельзя?.. Ни зарядки, ни подтягиваний...

Он опять поскрёб пальцем переносицу.

— Знаешь... Посиди, подожди. Сейчас придёт жена, посоветуемся. Юла сел. Честно говоря, Марии Степановны он немного побаивался. Или потому, что она — врач. А Юла с самых малых лет недолюбли-

вал врачей. Это, наверно, осталось ещё с войны. Когда его, дистрофика, вывезли в Вологду, там, в детдоме, была очень строгая врачиха. Без конца осматривала ребят, назначала всякие лекарства, и уколы, и прививки, и мерила температуру, и чуть что — в постель, в изолятор. А изолятор — на отшибе, в самом конце коридора, и лежать там было мучительно и тоскливо.

Только однажды попал туда Юла, но зато — на целых два месяца. Два месяца! Он и сейчас без дрожи не может вспоминать эти ужасные два месяца. И главное, если б у него живот крутило, или ногу сломал, или в ухе бы стреляло — ну, тогда хоть понятно. А то у Юльки вроде бы ничего почти и не болело, и — здрастье, пожалуйста! — два месяца в постели. И как назло — один. Совсем один. Больше в изолятор за все эти два месяца никто не попал.

Юлу докторша каждый день выслушивала и головой качала. На завтра опять сердце слушает и опять головой качает. И какие-то порошки и уколы. А главное — тоска. Такая тоска — хоть удавись...

(Продолжение следует)

Ты, наверное, слышал, что в послевоенные годы при археологических раскопках в Новгороде нашли несколько сотен берестяных грамот. Прежде на чёрные, обуглившиеся от времени комочки, попадавшие в землю, учёные не обращали внимания. А тут одна работница заинтересовалась, осторожно развернула скрученную полоску берёсты и... Так родилось одно из самых замечательных археологических открытий XX века.

И сразу же возникло множество вопросов. До знакомства с берестяными грамотами учёные думали, что читать и писать в Древней Руси могли лишь очень немногие — зажиточные купцы, бояре, монахи. Оказалось, судя по содержанию берёст, грамотным был чуть ли не каждый новгородец. И ремесленники, и крестьяне, и посадские люди.

Значит, было немало каких-то школ, и если не учебников, то каких-то учебных пособий. В одной из раскопок попала азбука, вырезанная на можжевелевой доске (ты видел кусты можжевельника — из них доски не выйдут; в те времена рос можжевельник сантиметров по двадцать в диаметре). Обнаружили несколько азбук и ученических записей на берёсте. нашли рисунки с подписями ма-

ленького мальчика Онфима. На одной берёсте оказалась загадка. А вот ещё интересная берёста:

Профессор А. В. Ардиховский об этой берёсте пишет:

«На первый взгляд, грамота производит впечатление шифрованной: но это не шифр, дело обстоит проще. Когда я попробовал связать буквы первой и второй строк по вертикали, смысл сразу обнаружился... Конец фразы оторван... В целом это типичная школьная шутка».

НЕВЕЖА ПИСА,
НЕДУМА КАЗА,
А ХТО СЕ ЦИТА...

(невежа писал, не думал показывать, а кто это читал, тот...)

И дальше учёный говорит:

«Позволительно представить себе, как группа древнерусских школьников шла по Великой улице. Один из них, кому эта записка предназначалась, бросил её на мостовую».

Грамота найдена на глубине 2,89 метра, на откопанной деревянной мостовой Великой улицы. Длина грамоты 21 сантиметр, ширина — 5 сантиметров. Шутка эта, по определению специалистов, состоялась в конце XIII или в начале XIV века... Чуть ли не 600 лет назад. Как видишь, школьные проказники мало изменились за шесть веков, и, наверно, ты сам не раз встречал что-нибудь вроде этого: «Кто писал не знаю, а я, дурак, читаю...»

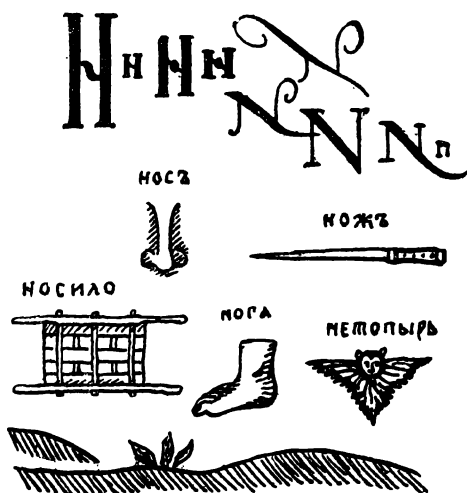
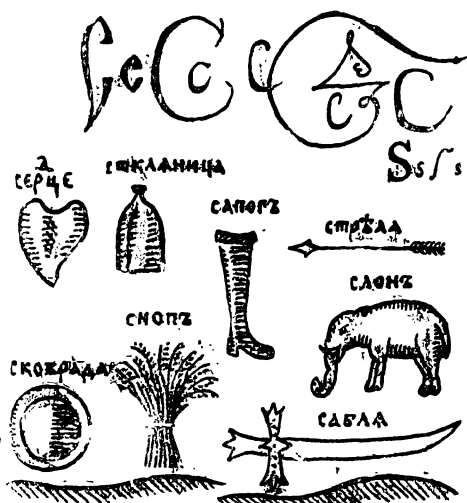
Однако мы отвлеклись от главного. Букварей на Руси было действительно великое множество. Но до изобретения книгопечатания это всё были рукописные буквари. Ты должен помнить, что первая печатная книга появилась у нас в 1564 году и что имя нашего первопечатника — Иван Фёдоров. А вот кто и когда создал первый печатный букварь?

Оказывается, тот же Иван Фёдоров. Только печатал он его не в Москве, а во Львове, в 1574 году, куда к этому времени он вынужден был перебраться. В Москве первый печатный букварь вышел 60 лет спустя, в 1634 году. Готовил его Василий Бурцев и, как он выразился, «сороботники» (теперь мы говорим: сотрудники).

Хочется рассказать и о третьем букваре, созданном монахом московского Чудова монастыря Карионом Истоминным. Это был человек образованный, знал несколько языков, был переводчиком, сам писал неплохие по тому времени вирши («верзус» по-латыни — стих).

В 1692 году Истомин преподнёс матери Петра I Наталье Кирилловне букварь для её внука Алексея, сына Петра. Букварь был лицевой, то есть иллюстрированный. И рисунки, и слова были выполнены от руки. Через два года букварь отпечатали. Он имел такой успех, что в 1696 году потребовалось новое издание. Редчайший случай для того времени! И букварь заслужил свою славу. Это, можно сказать, новаторская книга, такая, каких не было прежде.

В своём букваре Карион Истомин предлагал совсем иные методы обу-

чения — новые. Средневековая книга «Домострой» (ты, наверно, слышал выражение: жить по домостроевским порядкам, то есть жить по старинке) учила жестокому обращению со слугами, с младшими в семье, с детьми. О том, как учить детей, «Домострой» говорит прямо: «Не смейся к нему, игры творя... но сокруши ему рёбра», что значит: не забавляй, не играй с ребёнком, действуй только наказанием. Никаких иных педагогических средств, кроме розги, «Домострой» не признавал.

Карион Истомин выдвинул другой принцип: «Забавляя, поучай». Сделай ученье интересным, и ребёнок лучше усвоит его.

Именно для того, чтобы букварь был интересным, занимательным, автор иллюстрировал его. И ещё одно новшество ввел Истомин: стихи, в которых использовались слова с той или иной начальной буквой.

Вот, например, лист на букву «К» имел такие вирши:

КАКО кто хочет
В первых вещей сих:
КИТЫ суть в морях,
Юный, отверзай
Видом си познати,
Будешь то писати.
КИПАРИС на суше,
В разум твою уши.
В КОЛЕСНИЦУ сядь,
КОНЕМ поезжай.
КОРАБЛЬ на воде
И КОКОШЬ (кокошник,
головной убор) в требу

Отложи присно.
КОЛОКОЛ слушай,
КОПИЕМ борися,
КЛЮЧЕМ отоприся,
А в дому КОРОВА
И людям здорова...

Все эти слова сопровождаются рисунками. На букву С — слон, слегка напоминающий поросёнка и имеющий лапы с пальцами (кстати, живого слона москвичи увидели только 100 лет спустя, в 1788 и 1796 годах).

К словам на букву «А» нарисованы Адам, араната-коза... Смотрел я, смотрел на рисунок — не угадал, что это такое — араната-коза? Потом выяснил: обезьяна, орангутанг. Вот такие широкие сведения давал своим маленьким читателям Карион Истомин!

Остаётся добавить, что букварь был рассчитан не только на мальчиков, но и на девочек и что это был букварь на четырёх языках: русском, греческом, латинском и польском.

Какой бы ты ни взял сегодня букварь — на первой же странице увидишь букву и рисунок... А... Арбуз... Теперь ты знаешь, что первый рисунок появился в лицевом букваре Кариона Истомина ровно 280 лет назад.

Василий ЛЕБЕДЕВ

КРУГЛЫЙ ГОД В ГОСТЯХ У НАС

«Там, на Севере, лёд
И мороз круглый год,
И уютно там только медведям!»

...Все, кто думает так —
Собирайте рюкзак
И со мною на Север поедем!

ЗИМА

Мы гордимся первым делом,
Снегом белым-белым-белым:
В октябре он прилетел
И с тех пор не пожелтел!

Это зимушка-Зима,
Осени сестрица!

По снегам во все концы
Мчатся белые песцы.
Прыгнул белый горноста́й...
Прыгай, только не растай!

Это зимушка-Зима,
Осени сестрица!

Сонно смотрят озерки
Сквозь морозные очки.

В белой шапочке — скала.
Эту шапку ей дала

Наша зимушка-Зима,
Осени сестрица!

Ветер дунул — и леса
Расчесал за полчаса.
А у рыбок — тёплый дом:
Скрыла реки подо льдом

Наша зимушка-Зима,
Осени сестрица!

Снег по горным перевалам
Расстелила одеялом,
На оленей поглядела,
Потеплее их одела

Наша зимушка-Зима,
Осени сестрица!

А туман платком белёсым
Греет лысины утёсам.
Так: о каждом беспокоясь,
Всех укутала на совесть

Наша зимушка-Зима,
Осени сестрица.

Солнца нет — зато ясна
Круглощёкая луна,
И снопом огней весёлых
Полыхает в небе сполох!

Это зимушка-Зима,
Осени сестрица!

В шумный «день оленевода»
Состязанья у народа.
Вот малыш сидит верхом —
Будет знатным пастухом!

Это зимушка-Зима,
Осени сестрица!

ВЕСНА

Румяная гостя
К нам скоро придёт.
Входи! Ты у нас
Не была целый год,

Весна молодая,
Сестрёнка зимы!

И ждёт тебя солнце,
И первый свой луч
Тебе отдаёт,
Выходя из-за туч,

Весна молодая,
Сестрёнка зимы!

Продрогших — согреешь,
Сонливых — разбудишь,

Ленивых из дома
Выманивать будешь,

Весна молодая,
Сестрёнка зимы!

Река оживает,
Проснулся медведь,
Чтоб только скорей
На тебя поглядеть,

Весна молодая,
Сестрёнка зимы!

И спит на припёке
Один оленёнок:
На солнце смотреть —
Не хватает глазёнок!

Весна молодая,
Сестрёнка зимы!

ЛЕТО

Лето, щедрое Лето!
Ты постучалось в наш дом,
Сонную землю омыло
Тёплым прозрачным дождём!

Лето, щедрое Лето,
Лето, сестра весны!

Солнышко так тебя любит —
Светит и ночью, и днём,
Только чтобы с тобою
Дольше побыть вдвоём,

Лето, щедрое Лето,
Лето, сестра весны!

Слышишь, поёт от волненья
Рек полноводный простор,
Выше вздымаются волны
Синих таёжных озёр,

Лето, щедрое Лето,
Лето, сестра весны!

Видишь, как все тебе рады —
Даже крутая скала
Яркому солнцу навстречу
Белый цветок подняла!

Лето, щедрое Лето,
Лето, сестра весны!

Ты опушило ветки,
Вырастило цветы,
Празднично и цветасто
Землю одело ты!

Лето, щедрое Лето,
Лето, сестра весны!

Сбросило шубку с оленей,
Передело песцов,
В небо взлетать научило
Всех желторотых птенцов —

Лето, щедрое Лето,
Лето, сестра весны!

Очень довольны дети:
В тёплые эти дни
Летнюю пляску «хэде»

Будут плясать они!
Лето, щедрое Лето,
Лето, сестра весны!

ОСЕНЬ

Дожди холодные пошли,
И осень подросла,
И зелень сочная земли
Как будто заржавела.

Осень, сумрачная Осень,
Лета старшая сестра.

Ручьёв хрустальный разговор
Стал слышен еле-еле,
Уже давно вершины гор
От снега побелели.

Осень, сумрачная Осень,
Лета старшая сестра.

Пугливо шепчут тальники,
Едва их ветер тронет,
Что холода уже близки —
Их скоро к нам пригонит

Осень, сумрачная Осень,
Лета старшая сестра.

Но как подбадривает нас
Морозец по дороге,
Когда в свой тёплый, светлый класс
Идем мы на уроки!

Осень, школьная пора,
Лета старшая сестра.

. . . . .
Ледяная Зима,
Молодая Весна.
Лето щедрое, хмурая Осень —
Вы гостили у нас,
Вы слышали не раз:
«Заходите, пожалуйста, просим!»
Так поймите, друзья,
Звонкий лепет ручья,
Крик оленя, гудение сосен!
Это Севера зов,
Приглашение без слов:
**«ПРИЕЗЖАЙТЕ, ПОЖАЛУЙСТА,
ПРОСИМ!»**

Перевод с эвенского
Н. СЛЕПАКОВОЙ

Рис. В. Адаева

ЗАВОД НА БЕРЕГУ ЗАЛИВА

КОГДА-ТО Приморское шоссе, такое широкое и стремительное сегодня, вылось по берегу Финского залива узкой лентой асфальта, проходя прямо через посёлки. Пионеры тех лет помнят, что автобус, вёзший их в лагерь, замедлял ход в Сестрорецке и шёл прямо по берегу озера. Слева же, вниз от дороги, виднелись среди деревьев, по виду нежилые, кирпичные здания. Вряд ли кто из ребят догадывался, что и у озера и у домов одна судьба. Впрочем, по такой дороге не задумаешься, особенно когда автобус вновь прибавит скорость, а вдали за расступившимися стволами сверкнёт на солнце морская рябь.

Побережье недаром зовётся курортной зоной. Дачи детских садов сменяются пионерскими лагерями, а там уже видны корпуса санаториев и домов отдыха для взрослых. Кажется, что всё здесь — сплошной отдых. Но нет. Есть одно место на берегу, где стоят заводские корпуса. И не просто какие-нибудь, а корпуса одного из старейших заводов России. Это и есть те самые кирпичные здания, у которых одна история с озером. Завод этот — Сестрорецкий инструментальный имени Воскова. А два века подряд он назывался Сестрорецким оружейным.

Завод построен ещё при Петре I. Кстати, сначала и царь хотел здесь устроить курорт. Для себя, конечно. Посреди молодой дубовой рощи поднялся дворец. А позднее должны были соорудить каскад фонтанов, такой же роскошный, как и в Петергофе. Но Пётр I был человек хозяйственный. Увидел, что слишком дорого обойдётся эта затея, и приказал заняться иной стройкой. Там, где царь воткнул на берегу реки Сестры свой флаг, была возведена плотина. Река Сестра вместе с впадающей в неё речкой Чёрной разлилась озером. Озеро по сей день так и называется — Разлив.

Может возникнуть вопрос: для чего плотина? Ведь в те времена не знали электричества, а раз так, не могли же строить гидроэлектростанцию? Верно, не могли. Потому что не только не знали электромоторов и генераторов, но даже ещё не изобрели паровую машину. Зато уже давным-давно умели строить водяные мельницы. На сестрорецкой плотине тоже были поставлены мельницы, только сила падающей воды вращала не жернова, мелющие муку, а приводила в движение машины для пилки брёвен, раздувала горны в кузницах, сверлила стволы ружей.

Плотина была построена в 1720 году, а на следующее лето заложили завод. Прошло три года, и ружейная мануфактура стала выпускать кремнёвые ружья — фузеи, пистолеты, сабли для абсордажного боя, палаши, шпаги, кортики и корабельные якоря.

Оружие, изготовленное сестрорецкими мастерами, ни в чём не уступало иноземному. С ним русские солдаты шли в бой против шведов и против турок, этим оружием изгоняли французов в 1812 году.

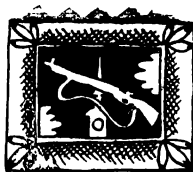
Но жилось и работалось сестрорецким мастерам нелегко. И они сами, и их жены и дети были государевыми крепостными, то есть были приписаны к заводу навечно.

Порядок на заводе был военный. Затемно посёлок будил проходящий по улицам барабанщик. Под грохот барабана завод начинал работать, обедал и кончал трудовой день, который длился двенадцать, а то и четырнадцать часов. После девяти вечера выходить на улицы было запрещено. За всякие нарушения и суд был военный. Приговоры его были жестоки. Скажем, бежал мастеровой. Если его ловили, то приговаривали к нескольким сотням палочных ударов. А если человек бежал вторично, то беглеца снова приговаривали к палкам, затем палач рвал ему ноздри, и после этого беднягу ссылали на галеры или в другие каторжные работы.

И не только простым работным людям приходилось туго. Сам по себе завод полностью зависел от государевой воли. Если для Петра I Сестрорецкий оружейный был любимым детищем, то для его преемников стал обузой, которая требует хлопот и денег, а раскошеливаться даже для дела цари не любили. Часто завод жид в долг и, не получая царских заказов, сам искал работу.

Но, видно, силен дух мастерства, если и в самые трудные времена на заводе изготавливали такие прекрасные и тонкие вещи, как часы для башни Петропавловской крепости, серебряное надгробие для останков князя Александра Невского, «папинову машину» — прибор для химических исследований — почётный заказ первого русского академика Михаила Васильевича Ломоносова. Башенные часы служили бы, может быть, и до наших дней (как и решётки набережных Фонтанки и канала Грибоедова — это тоже сестрорецкая работа), когда бы не буря, разрушившая обветшавшую колокольню. А вот серебряное надгробие и нынче можно увидеть в одном из залов Эрмитажа.

Много других великолепных вещей вышло из-под рук мастеров-сестроречан. Но главной вещью, даже самой главной, можно назвать русскую винтовку конструкции Сергея Ивановича Мосина. Это оружие было в строю больше 50 лет. С этой винтовкой в руках русские рабочие совершили Октябрьскую революцию, с ней же встретили вероломное нападение немецких фашистов.

Кроме Мосина на Сестрорецком заводе работали и другие отличные конструкторы оружия. Их фамилии известны всей стране. Это В. Г. Фёдоров, В. А. Дегтярёв, Ф. В. Токарев.

Долгая крепостная неволя и военный распорядок вколачивали в мастеровых покорность и не давали подумать о своей судьбе. Но уже в 1905 году никогда не бунтовавший завод в ответ на расстрел рабочих 9 января сразу устраивает забастовку. С тех пор сестрорецкие пролетарии никогда не отступали с революционных позиций, хотя над военным заводом надзор был особый. Стволы старых деревьев в рощах под Сестрорецком и сейчас скрывают в себе пули полицейских разъядов, разгонявших рабочие маёвки.

С Февральской революции хозяева завода — большевики. Это они снабжали винтовками другие заводы Петрограда. Это они укрыли Владимира Ильича Ленина от преследований Временного правительства. Не зря гордятся и сегодняшние сестрорецкие рабочие тем, что их завод — единственный, где Ленин и Крупская числились рабочими. Для Владимира Ильича был выписан пропуск на имя рабочего Константина Иванова, а для Надежды Константиновны — на имя работницы Агафьи Атамановой.

Первым председателем заводского рабочего комитета был избран Самуил Петрович Восков, участник первой русской революции, вынужденный после её подавления эмигрировать за границу. Всего неполный год проработал Самуил Петрович на заводе, но, видно, был он незаурядной личностью и стойко защищал интересы рабочих, если в память о большевине называли сестроречане свой завод именем Воскова.

Когда партия большевиков призвала рабочих к вооружённому восстанию, в Петроград из Сестрорецка прибыл полторатысячный отряд Красной гвардии. Часть сестрорецких красногвардейцев участвовала во взятии Зимнего. Другие отряды захватывали типографии буржуазных газет, водопроводную станцию, очищали от юнкеров Суворовский проспект, охраняли штаб революции — Смольный. Два дня оставались сестроречане в Петрограде, наведя революционный порядок, а затем вернулись на родной завод.

Молодое Советское правительство призвало все другие страны к миру и постановило сворачивать в России военное производство. Сестрорецкие оружейники собрались заняться мирной продукцией. Но началась гражданская война, на республику напали интервенты. Передовые рабочие уходили на фронт, а обескровленный Сестрорецкий завод вновь стал изготавливать винтовки, чтобы защитить дело революции.

В 1921 году, когда Красная Армия почти полностью очистила нашу землю от врагов, в Кронштаде вспыхнул мятеж под командованием генерала Козловского. Сестрорецк, к которому раньше неприятель и близко не подходил, впервые испытал на себе тяжесть артиллерийских обстрелов.

Но вот наступил полный мир. Сестрорецкий оружейный сменил профессию и постепенно стал уже не военным арсеналом страны, а арсеналом инструментальным.

Инструмент недаром называют хлебом промышленности. Ведь даже самый современный станок с программным управлением не будет работать, если его не оснастить режущим инструментом. Поэтому без свёрл, фрез, зенкеров не обойдётся ни один, пусть хоть самый маленький завод. А почти все эти вещи после войны и разрухи приходилось покупать за границей. Сестроречане решили дать стране столько инструмента,

чтобы прекратить его ввоз из-за рубежа. И они не только справились с этой задачей, но и принялись за изготовление особых станков, которые нам поставляла Швейцария и другие страны.

Много труда и изобретательности вкладывали в решение этой задачи рабочие. И недаром в 1928 году одному из первых в Союзе мастеру-изобретателю И. К. Анцусу, проработавшему на Сестрорецком заводе тридцать пять лет, было присвоено звание Героя Труда. А через несколько месяцев то же высокое звание было присвоено ещё двум сестрорецким рабочим: А. А. Сафронову и П. А. Кондратьеву.

Великая Отечественная война нарушила наш мирный труд и подошла вплотную к стенам Сестрорецка. Рабочие эвакуировали оборудование под миномётным обстрелом. Часть завода выехала в Новосибирск, другая часть — в Ленинград. Инструментальщикам вновь пришлось стать оружейниками. В блокадную зиму, голодные, в неотапливаемых цехах, они вручную вращали станки. Трудно им было, очень трудно, но бойцы на фронте получали оружие. И именно за эти автоматы, изготовленные восковцами зимой сорок первого—сорок второго года, благодарил сестрорецан после войны маршал Говоров: «С этим оружием в руках воины-ленинградцы прорвали зимой 1943 года блокаду Ленинграда и окончательно сняли блокаду в 1944 году», — говорил он.

Всю войну пустовали заводские корпуса. Ветер гулял в цехах, заметал снег в разбитые окна. А маленькая заводская гидроэлектростанция работала. Почти совсем мёртвый завод Сестрорецка давал энергию осаждённому Ленинграду.

Мы победили, но еще за год до конца войны был составлен план возрождения завода. И Сестрорецкий инструментальный вновь встал в рабочий строй.

Теперь он вырос. В его цехах работают поточные автоматические линии. Удивительная картина — поточная линия: идёшь вдоль длинного ряда гудящих светло-зелёных станков и видишь, как подаётся заготовка, зажимается приспособлениями и превращается в сверло. Но сколько ни оглядывайся, нигде не увидишь человека, который управляет станками. В цехе нет людей, станки работают сами.

Кто же придумал такие самостоятельные станки? Поищешь глазами заводскую марку — вот она: два слившихся ромба с буквой «В» внутри. Так это же марка Сестрорецкого завода, его герб! Вот оно что: завод изготавливает инструмент на станках, которые сделал сам для себя.

За годы Советской власти сестрорецчане увеличили выпуск продукции в 125 раз, а число рабочих увеличилось всего в 2 раза. Такое с трудом укладывается в голове: в 1970 году за 1 день на заводе делалось всего столько, с чем в 1922 году смогли бы управиться лишь за 125 дней. Каково, а?! Вот это-то и называется ростом производительности труда.

Качество же работы сестрорецких мастеров по-прежнему высоко. Мало того, что завод снабжает инструментом весь наш Союз, — его зенкера, фрезы, сверла отправляются в 60 стран мира. Вот оно — всемирное признание. Неудивительно, что на 14 международных выставках продукция завода имени Воскова была удостоена почётных дипломов и медалей.

В этом году Сестрорецкому заводу исполнилось 250 лет. По годам он — ровесник российской империи. Только вот империя давным-давно одряхла и рухнула, а завод-юбиляр молод. Почему? А потому, что будущее не за империями, а за заводами. Потому что труд вечен.

Рис. А. Курушина

Жила некогда старуха. Звали её миссис Твиддл. Случилось так, что дымоход в её кухне засорился и его надо было прочистить. Сунула старуха туда швабру и вместе с сажей сверху упало десять золотых монет. Ну уж и обрадовалась миссис Твиддл!

«Надо рассказать о моей удаче», — подумала она. И, положив деньги на стол, помчалась к колодцу — месту встречи всех соседей.

— Послушайте, соседусшки, — ещё издали закричала она. — Я нашла десять золотых монет у себя в дымоходе. Что вы на это скажете?

— Да это ж целое состояние! — воскликнули все разом. — Вам следует припрятать их в надёжное место, а то воров кругом полно. Куда вы их девали?

— Ой, я оставила их в кухне на столе, — заохала миссис Твиддл.

— Ну и глупо, — заключили со-

седки. — Пойдемте с нами в деревенскую лавку, мы поможем вам выбрать мешок покрепче, чтоб вы могли положить в него своё золото.

И миссис Твиддл в сопровождении своих подружек отправилась покупать мешок.

Выбирали его долго.

— Вот этот, — наконец решила она. — В него я припрячу свои деньги.

— Да, но если к вам заберутся воры, они без труда унесут мешок вместе с золотом, — заметил лавочник. — Мой совет: купите ещё прочный сундук, чтоб положить туда мешок с золотыми. Вор не сможет утащить тяжёлый сундук. Как вы смотрите на этот? Он самый тяжёлый из всех, что у меня в лавке.

— Вы правы. Я возьму его. Э... да мне его и не поднять. Ни один вор не унесёт. В нём моё золото может лежать спокойно.

— А у вас дом запирается на ключ, когда вы уходите? — спросили соседки. — Если у вас нет замка, воры в ваше отсутствие могут проникнуть в дом и утащить сундук вместе с золотом. Вдруг их будет двое? Тогда они легко поднимут сундук и унесут.

— Нет, до сих пор я никогда дом не запирала, — призналась миссис Твиддл.

— Тогда купите лучше на дверь новый замок с ключом, и вы можете быть спокойны, что ваши деньги в безопасности.

— Могу предложить прочный замок, — вмешался лавочник. И он показал новенький блестящий замок с ключом. — Ни один вор не сможет его открыть.

— В таком случае я беру его, — заявила миссис Твиддл...

— Я вам помогу всё донести до дому, — предложил свои услуги лавочник.

Он вместе с сыном взялся за сундук, а миссис Твиддл несла остальные покупки. Шествие замыкали соседки.

Когда они добрались до дома миссис Твиддл, лавочник вставил в дверь замок и потребовал плату:

— За мешок я хочу получить два фунта, шесть фунтов за сундук, фунт за замок с ключом и фунт за услуги.

Миссис Твиддл заплатила, и лавочник с сыном ушли. А довольная миссис Твиддл подумала, что теперь пора убрать деньги в мешок, а мешок в сундук и тогда она будет спокойна, что они будут в целости и сохранности. Но сколько она ни искала, она так и не нашла ни единой монеты.

А знаете, на что они у неё ушли?..

Перевод с английского
П. ДЛУГОЛЕНСКОЙ

Рис. А. Курушина

Годы и дела пионерские

(К фотоснимкам на 2-й странице обложки)

ДО ЧЕГО ЖЕ разнообразны интересы ребят! Одному нравится строить модель самолёта или корабля, другой любит играть в шахматы, третий собирает марки. А вот Толя Аганисян, Володя Соловьёв, Толя Ключев и ещё с десяток пионеров выбрали себе редкое увлечение — искать героическое. Они объявили себя красными следопытами.

Газета «Ленинские искры» в 1957 году рассказала об этом. И тут выяснилось, что следопытов среди ребят многое множество. Просто они ещё не успели придумать себе название.

И решили красные следопыты объединиться. Создали в редакции штаб, а начальником своим избрали бывшего командира кавалерийского эскадрона прославленной чапаевской дивизии Сергея Андреевича Кузина.

Вот тогда и появился на страницах газеты мальчишка в пионерском галстуке, в гимнастёрке и будёновке с красной звездой. Через плечо на ремне — кожаная сумка военного образца, в руке телефонная трубка. Это дежурный по штабу Генка-ординарец.

В газете Генку видел, конечно, каждый читатель, а вот в жизни никто не встречал. Почему?

Потому что Генка — это образ не одного, а многих ребят, и не только мальчиков, но и девочек. Этот образ вобрал в себя все лучшие черты пионеров послевоенного времени, и каждый пионер чувствовал, что в Генке есть что-то и от него, рядового следопыта.

Вскоре в штабе стало тесно от донесений. Узнав, что в годы войны в битве с врагом участвовали и ленинградские пионеры, многие следопыты стали искать их родных, друзей, знакомых. Ведь хотелось выяснить все подробности жизни юных героев и узнать, как погибли те, которые отдали за Родину свою жизнь.

А узнать не просто. Потому что очевидцев осталось мало, а те, которые остались, неизвестно где живут. Но всё-таки, если постараться, всегда найдёшь затерявшийся кончик ниточки, ухватившись за который, доберёшься и до клубна. Следопыты отправились по местам, где сражались в годы войны юные герои, разыскивали свидетелей тех военных событий, узнали адреса, по которым написали сотни писем.

На письма откликнулись новые свидетели и прислали новые адреса. Так, по крупице, и разузнали следопыты о жизни и подвигах своих довоенных сверстников и земляков Нины Куновской, Зины Портновой, Гали Комлевой, Юты Бондаровской, Саши Кондратьева, Ларисы Михеевны, Олега Ольховского, Миши Богданова, Олега Голубева.

В следопытском штабе решили, что письма — хорошо, а ещё лучше организовать встречу боевых друзей Юты Бондаровской. Ведь после войны прошло уже больше десяти лет, и наверняка бывшим партизанам будет приятно повидаться, чтобы вспомнить о боевых делах, рассказать друг другу про свою мирную жизнь и работу.

Опять из Ленинграда во все концы страны пошли письма. И в каждом письме — день и час встречи.

Писали, а сами всё-таки сомневались: состоится ли встреча? Потому что не каждый может приехать в Ленинград в указанное время, ведь люди работают.

Но они приехали. Вбегали, в штаб, обнимали друг друга, смеялись и плакали от радости. А потом благодарили следопытов и всё удивлялись:

— Неужели сами придумали?!

Через несколько дней читатели «Ленинских искр» увидели в газете два фотоснимка. Верхний был какой-то тёмный и суровый: люди в ватниках, с автоматами, на поясах подсушки и гранаты. А нижний — светлый и радостный. На нём люди улыбаются. Те же люди! Верхний снимок сделан, когда шла война, а нижний — в мирные дни.

Среди тенистых деревьев детского парка Ленинграда возвышается памятник юным героям войны — пионерам. Он воздвигнут в 1962 году. Но ещё раньше следопыты бросили клич: «Увековечить память героев!» На этот клич отозвались не только скульпторы и архитекторы, но и вся пионерия. В городе и области стали собирать металлический лом и старую бумагу, дружины пошли на субботники и воскресники, чтобы заработать деньги и перевести их на специально открытый в банке счёт для строительства памятника.

Ещё раньше был создан пионерский зал в Музее истории Ленинграда. Три года вдохновенно трудились красные следопыты, собирая материалы для этого зала.

Следопытская работа хоть трудная, зато увлекательная. Бывает, найдут какую-нибудь старушку-очевидицу, а у неё уже и памяти нет. «Видеть видела, — отвечает, — а вот не помню... Я лучше вас молочном угощу». Приходится пить молоко и вести беседу на отвлечённые темы. Но истинный следопыт сумеет повернуть эту беседу в нужное ему русло и, улучив момент, задаст наводящий вопрос. Смотришь, бабушка и вспомнит, и расскажет как раз то, что надо.

Однажды в штабе красных следопытов раздался телефонный звонок.

— Есть у вас Толя Аганисьян? — спрашивает сердитый старческий бас.

— Вообще-то есть, — отвечает дежурный, — но сейчас нет. Может, ему что передать?

— Ничего не передавать, — пророкотал бас. — Значит, не соврал. А то я, понимаешь, в панике. Унёс от меня этот самый Аганисьян редкие драгоценности.

— Драгоценности?..

— Вот именно. Ввалился, отреномендовался, спрашивает: нет ли каких военных документов? А у меня есть, и немало: фотографии, письма, вырезки из газет, имеющие прямое касательство к трём нашим русским революциям. Берёг я их пуще глаза. От царских жандармов сберёг, через ссылку пронёс целёхонькими, а от вашего Толи вот не сберёг. Сам ему в руки отдал... Потом-то уж хватился, да ищи ветра в поле: ни расписки и никакой тебе оправдательной справки, осталась одна аганисьяновская улыбка... Беспokoюсь, как бы не пропали мои бумаги.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, — ответил дежурный. — Сделаем фотокопии и вернём в целости.

— Ну добро, если так. Передай привет Аганисьяну...

Случалось, что красные следопыты иногда сомневались в способностях новичков. Когда явилась в штаб девятилетняя Ира Кучинская за ручку с отцом, с виду тихая и застенчивая, бывалые следопыты переглянулись: «Малявня! Какой из неё толк?»

Но девочка показала свой поисковый дневник и выяснилось, что она тоже «бывалая». Задалась целью разыскать одного из героев обороны Брестской крепости трубача Владимира Пахомовича Казьмина. Ей пришлось написать не одно письмо в Брест, пока не ответил музей и не прислал адрес ленинградца — участника обороны. Ира к нему. Но Юрий Викторович Петров, рассказав ей всё, что знал о трубаче, на главный вопрос только руками развёл: «А вот где он сейчас — этого я и не знаю». Ира снова пустилась в поиски. Писала письма, терпеливо ждала ответов. И добилась своего — разыскала!

— Принимаем! — объявили следопыты, перелистав Ирин дневник.

Они не ошиблись. Маленькая, застенчивая Ира привела следопытам большое и дружное пополнение — сперва отца и мать, а когда подросли сестрёнки и брат, то и Наташу, Юру, Галю, Таню.

Лучшие следопыты Ленинграда были премированы поездкой в Москву. Там они доложили ЦК комсомола о своих делах, побывали в Министерстве культуры, их принял Маршал Советского Союза С. М. Буденный (на снимке Ира Кучинская сидит справа от Семёна Михайловича).

Маршал очень заинтересовался следопытскими поисками, хвалил ребят за патристические дела и выразил надежду, что следопытская семья будет расти.

Так оно и случилось. Родившись в Ленинграде, следопытское движение пошло по всей стране. А сейчас уже не найти такого города, такой деревни, где среди пионеров не было бы красных следопытов.

Л. Шестаков

ЗАБЫТОЕ ПЛЕМЯ

На юге Тайланда, в джунглях Западного побережья Индийского океана, живёт необычное племя под названием чоу лэй, что в переводе с тайского означает «морские люди». У племени есть поверие: если кто-либо из них удалится от берега океана на расстояние, превышающее пределы слышимости океанского прибоя, он погибнет. Поэтому племя живёт в небольших деревушках в непосредственной близости от берега.

Племя насчитывает до 10 000 человек. Цивилизация

их почти не коснулась. Как и сотни лет назад, они примитивными средствами добывают в море пищу, изготавливают из ракушек предметы домашнего обихода. Единственной нитью, связывающей их с внешним миром, являются случайные китайские торговцы, появляющиеся иногда в деревнях, чтобы обменять ткань, рис и другие товары на сушёную рыбу.

«Морские люди» отличаются исключительной вежливостью и миролюбием.

МОНЕТА — ЧЕМПИОН!

В Чердынском краеведческом музее (Пермская область) внимание посетителей привлекает огромный, из красной меди, рубль, выпущенный на Урале в 1726 году Екатеринбургским монетным двором. Эта монета — своего рода чемпион среди своих русских сородичей — выполнена в виде четырёхугольника. Весит она 1 килограмм 625 граммов.

прибрежных камышовых зарослях большого степного озера Маныч-Гудило, которое лежит на границе Калмыцкой АССР и Ставропольского края.

Обширные места зимовки пернатых в степях и водоёмах Калмыкии находятся под постоянным наблюдением зоологов.

ЕДИНСТВЕННЫЙ В МИРЕ...

На кубинском полуострове Сапата в 1959 году был создан питомник пресмыкающихся, в котором тогда насчитывалось всего несколько десятков крокодилов, отловленных в местных болотах. Теперь этот единственный в мире питомник пресмыкающихся насчитывает свыше 18 тысяч крокодилов. Питомник пользуется большой популярностью у туристов.

ГДЕ ЗИМУЮТ ЖАВОРОНКИ?

Кто не заслушивался трелями жаворонка, а многие ли знают, где зимует этот крохотный степной певец? Как установили учёные, жаворонки проводят зиму в

...ежедневно в столицу нашей Родины — Москву прибывают 170 поездов и 1400 пригородных электричек? Они привозят около 1,6 миллиона человек. Более 300 самолётов ежедневно совершают посадки на Внуковском, Шереметьевском, Домодедовском и Быковском аэродромах. Они доставляют ещё 40 тысяч пассажиров. Это — население двух крупных областных центров!

...в зоопарке нашего города насчитывается около четырёхсот видов зверей, птиц и рептилий? Человеку, пожелай он увидеть всех этих животных на их родине, не хватило бы жизни, чтобы объехать все материки земли, где они водятся.

...на месте «Экспо-70» — Всемирной выставки в Японии — будет создан мемориальный парк? В неизменном виде останется только одна достопримечательность — так называемый японский сад. После реконструкции будут открыты аттракционы сказочной страны для детей — Эксполенда.

...половина населения земного шара живёт в районах, поражённых «книжным голодом»? Нехватка книг сдерживает развитие человека в этих районах. Особенно остро ощущается этот «голод» в Африке, Латинской Америке и Азии. А в этих районах мира живёт 35 процентов грамотных взрослых и 40 процентов детей школьного возраста.

...одна муравьиная семья за сезон уничтожает около двух миллионов насекомых? Недаром муравьёв называют лесными санитарями.

...одна из древнейших видов пальм — карифа интересна тем, что живёт только до цветения? Тридцать — сорок лет набирает дерево силу, расцветает красивыми цветами, а потом гибнет.

...розовые чайки улетают не на юг, как все птицы, а на север? Никто не хочет лететь на север, а они летят.

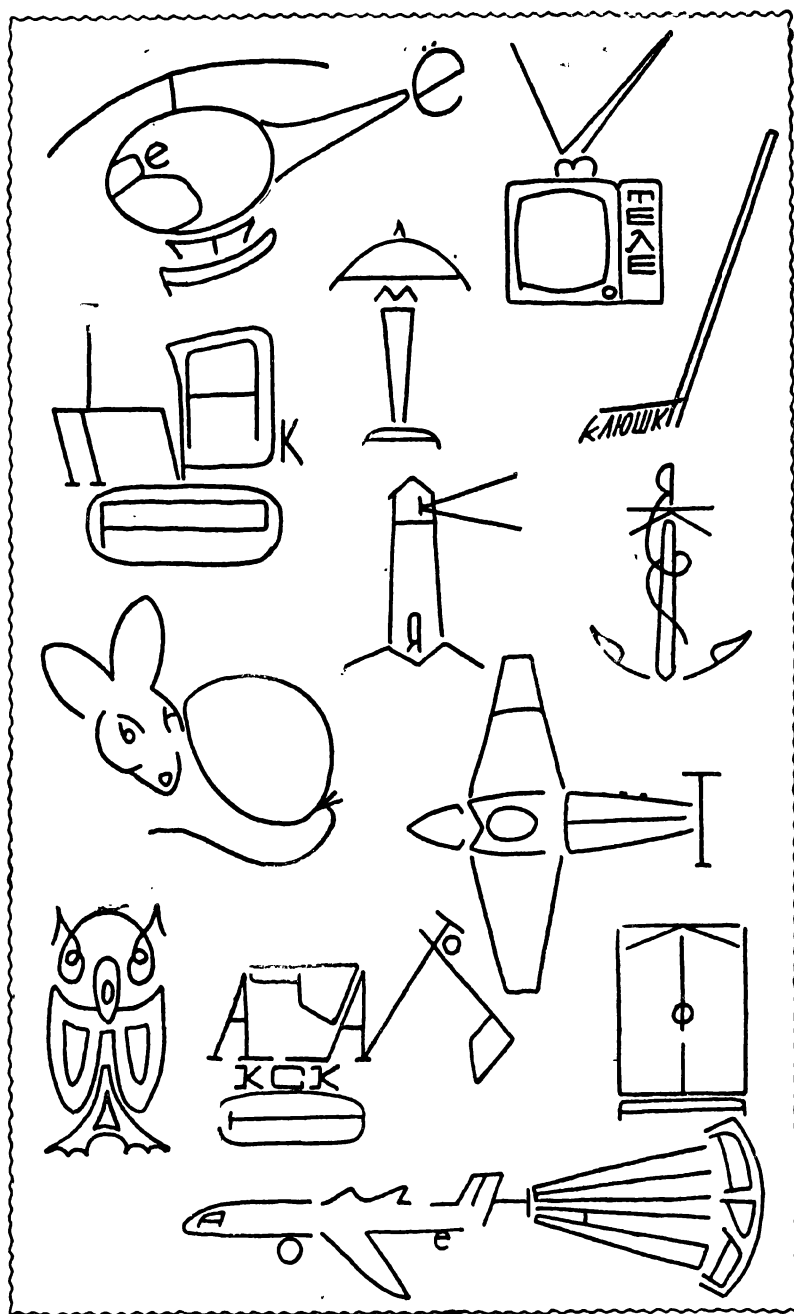
...у жирафы очень длинный язык — в полметра? А это животное почти никаких звуков не издаёт, молчит. С таким-то языком!

...в Польше находится крупное стадо тарпанов — диких лошадей, насчитывающее 90 голов? Тарпаны отличаются небольшим ростом (до 1,3 метра), плотным телосложением, серой окраской. Польские животноводы изучают поведение этих редких животных, проводят над ними эксперименты, связанные с использованием их в хозяйстве.

...в Индии, в городе Ахмадабад, есть мечеть с вибрирующими минаретами, построенная в 1450 году? Высота минаретов — 23 метра. Интересно, что один человек может заставить минареты вибрировать. Более 500 лет люди испытывают это удивительное свойство минаретов и до сих пор не могут разгадать их секрет.

...Эпиорнис — гигантская ископаемая птица, жившая в далёком прошлом на Мадагаскаре? Высота её достигала 3 метров, а вес — 500 килограммов. Её яйца считаются самыми крупными в мире. Их длина — около 38 сантиметров, а объём почти 8 литров. Чтобы заполнить скорлупу одного такого яйца, требуется содержимое 148 куриных яиц.

Многие наши читатели прислали нам свои изографы — рисунки, выполненные буквами, но не какими придётся, а только теми, из которых состоит название нарисованного предмета!.. Получается и рисунок и в то же время — подпись к нему.

Помещаем сегодня изографы Миши Соколова, Лёни Жарикова, Серёжи Лопатёнка, Жени Комарова, Светы Березовской, Вики Викторович, Олега Борунова, Эрика Эзериньша, Люды Кучмистой, Лены Трусовой, Гали Листопадовой, Лены Воробьёвой, Иры и Саши Квактун.

$$\bigcirc \circ \times \otimes \bigcirc \otimes + \overset{\Delta}{\times} \cdot \times$$

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата
Ленинград, Фонтанка, 57

Красна
птица
перъем,

А

человек
ученьем

ЦЕНА 10 КОП.